

Смена

9

Издательство „ПРАВДА“

«...Он идет и поет в усы песню, которую сам придумал:

Долог путь до моря сизого... Эх!
Тяжело путь до острова свистящего... Эх!
Где ты, мечта, где, заветная!
Э-эх!

В тундре — весна. Звенят большие и малые ручьи. Со стоном валаываются ручьи в горы. Дрожат покрытые тонкой пленкой заморозков рыхловатые озера, лужи, купели стоячей, острапаннующей жком и землей теплой воды.

Вода всюду. Ступишь ногой в мох, — и мох сохнет. Тронешь шистую кочку, — и кочка сохнет. Станешь робкой ногой на ледок, — и из-под льда брызнет вода, звонкая, весенняя...»
(Из рассказа В. Горбатова «Большая вода»).

С любопытством и ожиданием берешь в руки книгу Бориса Горбатова «Обыкновенная Арктика». Ведь книга действительно хорошая, правдивая, художественных произведений о полярной Арктике, у нас обидно мало, а интерес народа к делам и делам людей, осваивающих полярное богатство, исключительное велик.

Ожидание читателя не обмануто. Рассказы Горбатова подкупают своей теплотой, правди-

востью, человечностью. Писатель показывает Арктику через призму ощущений самых разнообразных людей, в том числе и отрицательных типов. Его героические люди со всеми свойственными им достоинствами и недостатками, думами, чувствами и полчас сомненьями.

Нельзя без волнения читать рассказ «Большая вода», где картины Арктики переплетаются с адреналиновыми переживаниями замечательного старика Теряна.

В этом рассказе Б. Горбатов достигает наибольшей художественности и глубины.

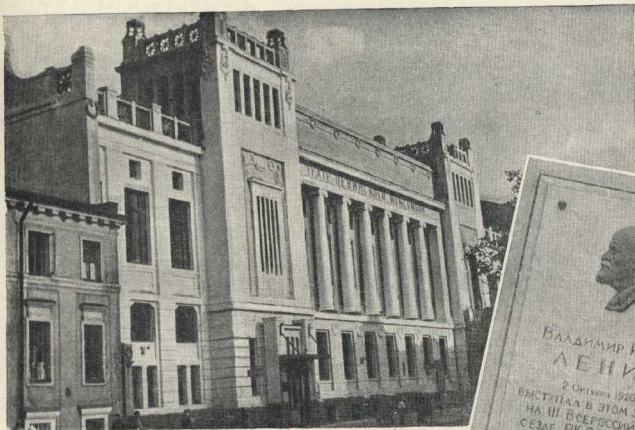
Прочтите эту интересную книгу. Она расширит и обогатит ваши представления о том, как живут, работают, мечтают и радуются люди Арктики.

Э. Джансон

Герой Советского Союза.

На обложке: лучший гранатометчик Н-ской части Московского военного округа курсант В. Н. Коновалов на тактических занятиях. Фото Ник. Соловьева. На обороте обложки: рекордсменка СССР по плаванию Т. Польшалова. Фото И. Фигурова.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: МОСКВА, 4я ул. „ПРАВДЫ“, д. 24, комната 710, телефон Д 3-31-68.

Дом в Москве, на Малой Дмитровке, 20 лет назад здесь происходила III съезд ВЛКСМ. Сейчас в этом доме находится Театр ленинского комсомола.

Ф. НАСЕДКИН,
секретарь ЦК ВЛКСМ

ВЕЛИКАЯ ПРОГРАММА

От тех исторических дней нас отделяют два десятилетия. Это было тревожное, военное время. Над страной еще свалились голодные и враждебные сарафаны, чужды пожарница. Промышленность, транспорт и сельское хозяйство были словно разбиты парализован.

Вспоминая об этом периоде, товарищи Сталин говорили, что то были суровые годы, «...когда целыми неделями не выдавали рабочим ни куска хлеба, не говоря уже о мясе и прочих продуктах питания. Лучшими временами считалась тогда те дни, когда удавалось вылавить рабочим Ленинграда и Москвы по восьмьюшке фунта черного хлеба и то напополянну со землекопом».

Суббота 2 октября 1920 года ничем как будто не выделялась из суровых военных будней.

Большевистская «Правда» в этот день вышла только на двух страничках: не хватало бумаги. Газета публиковала донесения с фронтов. Плали жестокие схватки с врагами революции у Ахлы, Пенска, Боровичей и Новгород-Волынского. ЦК РКП(б) извещала, что в целях экономии решено в день годовщины Великой Октябрьской социалистической революции

ничьями торжеств, демонстраций, уличных украшений не организовывать, не отпуская ни одного аршина красной материи». В хронике сообщалось о сборе теплых вещей для красноармейцев, об организации санитарных отрядов.

По улицам Москвы в этот день шли трамваи, выложенные провими. Дрова пламя и развозили участники общегородского топливного субботника. На другой день после субботника «Правда» отмечала: «Особенно эффективной была колонна Кремлевского района, шедшая из Кремля на Пресненский дровяной склад. В этой колонне находились, между прочим, члены президиума ВЦИК, а также курьезы всех московских командных курсов во главе с произведенным вчера новым выпускном красных командиров...»

А вечером после субботника 2 октября 1920 года в скромном обитке на Малой Дмитровке, где находился в то время Коммунистический университет имени Свердлова, открылся III съезд ВЛКСМ. Небольшой зал университета был переполнен. В работе съезда принимали участие около 800 делегатов. Съезд с'ехался представляющим со всех России — с фронтов, из городов и сел. Ахлы в сарках, армейских

шинелях, кожаных тулужках, изношенных заплятых куртках заплывали все проходы. Съезд ждал Ленина, которого просили сделать доклад о международном положении.

И Ленин пришел к комсомольцам. Съезд встречал любимого вождя с неизменным восторгом. Стоя, делегаты горячо приветствовали Ильича. Все ждали, что Ильич произнесет речь на злобу дня — о войне с Польшей, о борьбе с Врангелем, задача которого уже вынесулись из Крыма и откатован Донецкий бассейны.

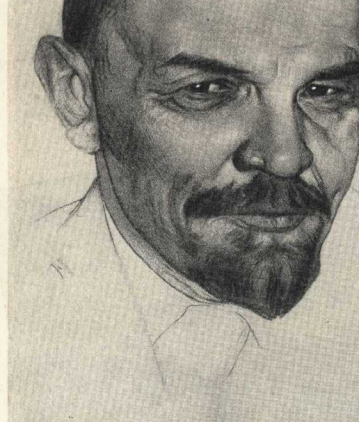
Когда Ильич начал говорить, стало сразу понятно, что речь идет об этом. Мудрый вождь смотрел в будущее и поэтому избрал другую тему для беседы с комсомольцами.

«Товарищи, — начал Ильич, — мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза коммунистической молодежи и, в связи с этим, — каковы должны быть организации молодежи в социалистической республике вообще».

Ленин глядел дальше других и видел больше. Гениальный ленинский ум предвидел близость новой борьбы, когда умолкнут пушки, загворят фабричные гудки и когда рабочие и крестьяне России должны будут встать за восстановление, а затем и за великую по-

Фото Н. Гушина.

В. И. ЛЕНИН.

С рисунка Н. Андреева.

рестьян страны, тогда еще отсталой, разоренной войной.

В своей речи Владимир Ильич набросал гениальную программу участия молодежи в грандиозном строительстве — в строительстве коммунистического общества. Двадцать лет прошло с тех пор, как была произнесена эта речь, но так же, как благородные металлы не тускнеют от времени, так и эта великая программа, заветная Лениным комсомолом, попрежнему горит незабываемым светом, сохраняя все свое высшее значение.

Разве не звучит сегодня с новой силой, умноженной в десятки раз, ленинский призыв:

«Мы должны построить коммунистическое общество... Перед вами задача строительства, и вы ее можете решить, только овладев всем современным знанием, умея превратить коммунизм из готовых научных формул, союзов, рецептов, предписаний, программ в то живое, что объединяет вашу непосредственную работу, превратит коммунизм в руководство для вашей практической работы».

Разве не задобивоны сегодня замечательные ленинские слова:

«Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подают всякие убедительные речи и правила о нравственности. Не в этом состоит воспитание...»

Быть членами союза молодежи значит вести дело так, чтобы отдавая свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспита-

ние. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста.

Разве не сокращают все свои силы и не приобретают еще большую значимость эти неизменяемые строки, дающие классическое определение нашей коммунистической морали:

«Мы говорим: нравственность — это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов... Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплуатации труда».

Чтобы это осуществить, нужно то поколение молодежи, которое лично превращается в сознательных людей в обстановке дисциплинированной отчаянной борьбы с буржуазией. В этой борьбе оно воспитает истинных коммунистов, этой борьбе оно должно подчиниться и связать с ней великий шаг в своем учении, образовании и воспитании».

За эти двадцать лет ленинско-сталинский комсомол, вместе со всей страной под руководством великой большевистской партии прошел поистине гигантский путь. В героической всенародной борьбе за построение социализма в одной стране коммунистический союз молодежи неизменно играл роль первого помощника партии. На десятках гигантских новостроек, в шахх новых предприятий, где оживались сложнейшие аргументы, на колхозных и совхозных полях — всюду ленинско-сталинская племя революционной молодежи с энтузиазмом осуществляло и осу-

ществляет указание Владимира Ильича о том, что «союз коммунистической молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, принимает свою инициативу, своей почин».

В годы первой пятилетки, когда складывался фундамент социалистического строительства в стране, комсомол поизнал знания социалистического соревнования. В первом широком социалистическом конкурсе установили по всему фронту ленинско-сталинский союз коммунистической молодежи послал на строительство новых заводов, шахт, железных дорог не менее 300 тысяч комсомолов. Рудники комсомольцев строили корпус знаменитого Сталинградского тракторного завода, дома-гиганты Магнитки, давали первые тракторы в Челябинск и отечественные автомашины в городе Горьком.

На XVI съезде ВКП(б) наш великий вождь товарищ Сталин высоко оценил работу комсомола. На съезде товарищ Сталин сказал: «Ленинский комсомол и руководимая им рабочая молодежь увеличивают дело соревнования и ударничества решающими успехами. Нужно признать, что наша революционная молодежь сыграла в этом деле исключительную роль».

И подобно тому как за героические подвиги на фронтах гражданской войны правительство наградило комсомол орденом боевого Красного Знамени, так и за героические подвиги в деле организации ударничества и социалистического соревнования комсомол был награжден вторым орденом — орденом Трудового Красного Знамени. Первыми организациями ВЛКСМ: московская, ленинская, днепропетровская — награждены орденом Ленина.

Для нового поколения, воспитанного партией большевиков, труд стал неотъемлемой жизненной потребностью, труд является делом чести, доблести и героизма. Именно в этом высшее моральное качество человека сталинской эпохи.

Исторический XVIII съезд ВКП(б), учитывая громадный опыт работы комсомола в промышленности, сельском хозяйстве, в государственной жизни страны, подчеркнул в своих решениях, что роль комсомола во всех областях социалистического строительства значительно повышается. И это указание съезда есть результат ленинского учения о том, что комсомол должен быть ударной группой, провозглашая во всякой работе свой почин.

Ленинско-сталинский комсомол успешно осуществляет шестую над крупнейшими новостройками третьей пятилетки. Тысячи комсомолов участвовали в прокладке магистралей Алма-Ата — Каратау, тысячи комсомолов оживляют колоссальные залежи нового нефтяника — «Второго Бакта», возмужавших нефтяников, который будет величественным памятником эпохи социализма. Для того чтобы понять, какое громадное участие приняло в этом строительство социалистическое строительство, достаточно вспомнить знаменательный факт: среди тех, кто создавал Ферганык канал, было 73 тысячи комсомолов. Комсомол может гордиться тем, что в этом крупнейшем новостройке третьей пятилетки возводятся руками комсомолов.

По всей стране комсомольцами брошены борющиеся цветные металлы. Исское движение сбор металлов, которое имеет большое хозяйственное значение. В первые же месяцы комсомольцы собрали свыше 5 тысяч тонн цветных металлов.

Прекрасными делами прославилась многие организации комсомола в совхозах и колхозах. В прошлом году по инициативе комсомольцев-колхозников Сталинградского области началось замечательное движение за стопудовый урожай зерна с гектара. В этом году десятки тысяч молодых бригадиров снимают высокий урожай колхозных и совхозных полей. По всей стране началось сооружение колхозных водоемов. В колхозах уже готово около 15 тысяч новых водоемов.

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

ОТРЫВОК ИЗ ПЬЕСЫ

В своей новой пьесе-поэме Михаил Светлов с большой теплотой и лирическим восприятием хорошо знакомые ему картины из жизни комсомола 1919 года. Эта жизнь была полна героизма, самоотверженности и беззаветной преданности революции.

В постановке имени отпрыск из этого движения участвует комсомолец Михаил Моисей. Тоск, Дуня, Коля, Ваня, два брата-близнеца, прозванные «Белые-Направо», Валя — девушка, недавно пришедшая из комсомола, Илья — секретарь комитета комсомола и Семен — предводитель ревкома.

Повторяется юность заново
Очень трогательной, чистой
Было в детское театре завлечь
Раскрывается передо мной,
И на сцене, убогой, маленькой,
Полон звездный небосклон...
Было дымящей мялкойной
Я от юности отделил...

***

Клуб. Комната прибора. ДУНЯ перебирает книги в шкафу. ВАЛЯ помогает ей, НАПРАВО сидит у стола за бумагами. НАЛЕВО пишет какой-то документ.

НАПРАВО *(глаго)* Белый Борс — уехал в район. Белые Николай — отправлен на фронт. Винцент Зои — болела. Болотин Степан — отправлен на фронт. *(Зачеркивает.)* Убит. Бродский Семен — уехал в Харьков на с/езд. Варжук Михаил — в деревню.

НАЛЕВО *(Валя)* У меня все какие-то крыные бумаги получаются. Валя! Приобруйте вы. У вас, наверное, хороший почерк. У вас отец был учителем чистописания. *(Перебрав Валя кисть.)*

(За окном гул. НАЛЕВО подходит к окну.)

ДУНЯ. Опять фронтовики?
НАЛЕВО. Да. Это уже четвертый. И все они уходят на север. А фронт южнее.

ВАЛЯ. Почему это?
НАЛЕВО *(сухо)* Очевидно, потому что так надо. *(Пауза.)* Если бы ты умела шить, Дуня, я бы тебя от чем-нибудь попросил.

ДУНЯ. Я уже выстирала твои рубашки.
НАЛЕВО. Спасибо тебе, Дуня.

ДУНЯ. И я сложила все твои вещи. Потому что, когда тревога, нельзя долго собираться.

НАПРАВО *(продолжает)*. Васильев Кирилл — на фронте. *(Зачеркивает.)* Убит. Ветров Гарас — на фронте. *(Зачеркивает.)* Убит.

ВАЛЯ. Как вы можете так спокойно говорить о своих убитых?

НАПРАВО *(привставило смотрит на нее, потом продолжает)*. Выльнова Вера — дезертировала. Вольский Наум — убит. *(Валя)* Мы с Наумом в одной школе учились. Он мне когда-то подарил перочный нож. Вульф Абрам — отправлен на фронт. *(Зачеркивает.)* Смертельно ранен. *(Валя)* Мы с Абрамши в одной унице десять лет прожили, и я даже не узнаю, как он умирает. *(Налево.)* Я тебя очень прошу: если против моей фамилии будет слово «убит», не останавливайся.

(Молчанье. Входит САШКА и МОИСЕЙ.)

МОИСЕЙ *(протягивает Дуне книгу)*. Ну и книжнич Я всегда все дочитываю, а эту не мог.

ВАЛЯ. Что это за книга?

МОИСЕЙ. О любви. Мурд страшна: как сделать так, чтобы она тебя полюбила или наоборот. Я так и не понял. В общем как приготовить борщ из гиной капусты.

ВАЛЯ *(Сашке)*. А у вас что за книга?

МОИСЕЙ. Держу пари, что у него «Три мушкетера».

САШКА. На что пари?

МОИСЕЙ. На что хочешь.

САШКА. Американское?

МОИСЕЙ. Американское. Показки.

САШКА *(показывает книгу)*. Ты проиграл. Это не «Три мушкетера». Это «Двадцать лет спустя».

МОИСЕЙ. Показки! *(Перелистывает книгу.)* Да это же она самая. Вот и герой те же: и Арташес, Атос, Портос, Арамис...
САШКА. Герой те же, а книга другая. Это — продолжение. Через двадцать лет.

НАПРАВО. Что же с ними стало через двадцать лет?

САШКА. Так всего не рассказать.

НАПРАВО. Но все-таки?

САШКА. Они... дрались.

МОИСЕЙ. За что?

САШКА. За многое. Боролись против Людовика XIII.

МОИСЕЙ. За кого?

не будут переработаны в его сознании все полученные знания.

Учебн... Называющую мысль о ней мы несуетливо гнали прочь в доразах, на субботниках, в неоплаченных, прокуренных комнатах губкомов. Советская республика еще дрались на нескольких фронтах против Бельгарийской и и интервентов. Как раз накануне открытия с/езда польская шляхта захватила Могилевград в Западной Белоруссии — тот самый, над которым генерал слепой победоносности развешено красное знамя. В дни с/езда Красная Армия выбила ариангеловцев из Мариуполя. Далеко на востоке красные партизаны дрались у Чты.

Как крут был перевал от того, чем дышала вся разорванная страна до стенного этого зала, к этой необычной, настоящей речи! В докладе не было ни слова о Врангеле, о белогарцах, о голоде. Лишь смотрелся разведка вперед, но нетерпеливо переключил через «текущий момент» и поставил во весь рост перед комсомолом и всей советской молодежи задачу не на год, и не на два, а на целую эпоху. Вот почему доклад Ленина ни на минуту не устарел: это — завещание Ильича поколениям советской молодежи, которые одно за другим аступали и вступают на славный и великий путь Ленина — Сталина.

Не дыша, не своя глаза с Ильича, слушал его зал. А изнутри то и дело подымала радость: «Неужто впрямь видишь и слышишь Ленина! Никогда не связывался с этой мыслью. И оноя переходил жизнь с жизнью любимого Ильича на огромный портрет.

А Ильич вдруг оборвал свою речь, вытер лоб и сел.

Какое, устно вопрос не задавали: писали записки, Калужую записку Ленин оглашал, на некоторые из них тут же отвечал немногими словами. Иные кланя на стол, затем маленькими шагами, как бы вползая, выходил вперед и давал подробный ответ.

За упавшими на пол записками Ильич сам наклонился и долго их собирал. Зал зашевелился, акашались. Ни прерывали. Бродский попросил и, вставши, обиданно скалясь вылез из-под трибуны несколько свернутых в трубочку листочков бумаги.

Но вот на бумажную горку легла последняя записка. Ильич строб о нее кочуку в карман, ласково посмотрел на слушающего и сказал:

— Вот и все.
С/езд встал и зашел «Интернационал», и Ильич, уже уходящий в работу комсомола, стоял и вел с нами. И никто не хотел уходить, пока Ильич не спустился с трибуны и не исчез в одной из дверей.

С Малой Дмитровки с шумом и репешью пошли мы в традиционный обитель всех с/ездов — в Третий Дом Советов. Там, в столовой, нас уже ждали на столах теплые ломы кислого черного хлеба, сушеная рыба и кишинток, окрошенный в замаренный бурый цвет.

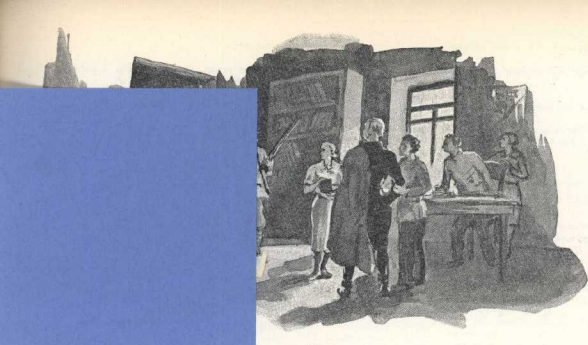
До поздней ночи не убивал Третий Дом Советов. Возбужденные всем слышанным, делегаты горячо делились впечатлениями от речи Ильича.

Много раз с тех пор мне приходилось слышать на с/ездах и собраниях Ленина и Сталина. И каждый такой день на всю жизнь остается незабываемым, праздничным, счастливым.

Слова Ленина, произнесенные им 20 лет назад, попрережуют говорить о самом главном, коренном и решающем в работе комсомола. Вместе с речями и статьями товарища Сталина о задачах комсомола ленинский доклад на III с/езде широко и далеко освещает нашей советской молодежи ее дорогу в будущее.

Неузнаваемой стала наша социалистическая родина за эти два десятилетия. Возмужал, окреп выступивший партией наш комсомол. Низшим врагам не удалось задержать победоносное развитие и расцвет великого Советского Союза. Низшим врагам не удалось сбить комсомол с ленинского-сталинского пути. Верное родиль, безгранично преданное партии и великому Сталину, комсомольское племя множитесь, зреет в учебе, закаляется в боях. И неизменно хранил оно ленинский завет:

Учиться коммунизму! Овладевать знанием, не отрывая его от жизни, от борьбы за коммунизм! Огладе все силы, а если надо, и жизнь за дело коммунизма!

НАЛЕВО. Пока я еще напишу! Я ведь не умею писать прозой. Я все время ненормально перехожу на стихи.

ШАШКА. А что тут уметь! Стихи — это действительно трудно, а прозу каждый может.

НАПРАВО. Если каждый, — значит, и ты?

ШАШКА. И я!
НАПРАВО. ...ослабкнул д'Ар-
тавья!

ШАШКА. Подождите. У меня есть план. Вы запомните, а я пока буду распределять роли. (*Садится, что-то пишет.*) Ну, дивчат легко, а вот кто будет играть мушкетеров? Ну, д'Артаван — это, конечно, я! А Портос? Кто может сыграть Портоса? Бессельная, любит поест... Может быть, Направо? А Налеево — Арамис! Ухажов, поэт... Моисей будет играть трактирщика. А вот кто сыграет Атоса? Мужественный, красивый, высокий, благородный... Нет Атоса!

(*Входит КОЛЯ. Это огромный парень с широкой улыбкой. Видно, что*

он вернулся из похода.)

ШАШКА (*первый увидел его и подбегает к нему*). Атос! Коля! Ты будешь играть Атоса!
(*Ребята обступили КОЛЮ: «Здравствуй», «Ты только сейчас приехал?»*)

Одна ДУНЯ (в стороне).

КОЛЯ. Дуни! Пойди сюда. Я тебя обниму. (*Дуни подходит к нему, он обнимает ее как взрослый мальчишко*). Как живешь, Дуня?

ДУНЯ (*смотрит ему в глаза*). Хорошо живу, Коля.

МОИСЕЙ. Откуда ты?

КОЛЯ. Из-под Лозовой. Я две ночи не спал. А сейчас ка-ак заснул.

НАПРАВО. Подожди спать. Расскажи, что хорошего.

КОЛЯ. Мало хорошего.

ШАШКА. Говори. Ты ведь знаешь, что мы не на труселях.

КОЛЯ (*смотрит на него, улыбается, потом опять становится серьезным*). Мы отступаем повсюду. Наш полк вернулся к вам. Четверть охота. Все, что осталось. И вот меня опять вернули к вам. И вот я опять с вами... Я пролезал одну деревню. Она называется «Журильница». На эту деревню напала какая-то банда. Обилие шесть комсомольцев. Я смотрел на них, и я потом так торолася сюда. Я хотел посмотреть, что вы, как...

ШАШКА. Теперь мы, наверно, отправимся вместе с тобой.

НАПРАВО. Теперь я ни за что не остаюсь!

(*Входит ЯКОВ с каким-то вихляем парнишкой. Парнишка принес охапку винтовок. Яков тоже принес две. Они ссыпают оружие на пол. Ребята молча смотрят на соседственного Якова*).

ДУНЯ. Тося принесла журналы для конференции. Ты так торопил к сегодняшнему вечеру.

ЯКОВ. Хороший журнал? Показки. (*Простраивает журналы*). Все журналы?

ТОСЯ. Нет. Только это. Остальные скоро будут готовы.

ЯКОВ. Ваня! Пойди, пожалуйста, в типографию и поторожи. Скажи, что очень нужно. (*Как только Ваня вышла*). Конференция откладывается.

ШАШКА. Почему откладывается?

ЯКОВ (*парнишка*). Ты можешь идти, Ваня!

ВАНЯ. Что ж, я тебе только носильщик, что ли? Я бы тогда лучше чемаданы на вокзале таскал.

ЯКОВ. Него ж ты хохлешь?

ВАНЯ. А я полагаю, здесь, пока наш полк не пройдет. Он должен пройти мимо нашего дома. И я подожду, пока придет товарищ Семенов. Я хочу послушать его перед дорогой.

НАЛЕВО. Ты уходишь вместе с полком, Ваня?

ВАНЯ. Чего же я думаю, вместе пойдем. Может, для этого Яков винтовки взял. А я их таскал, как дурак. А он меня гонит.

ЯКОВ. Я тебя не гоню.

ВАНЯ. То-то же! Меня, брат, пять раз из училища выгоняли, пока я сам не ушел.

ДУНЯ. Почему откладывается конференция?

ЯКОВ. Я не хотел этого говорить при посторонних.

ДУНЯ. Ты напрасно устал Ваня. Она могла бы здесь остаться.

КОЛЯ (*недоверливо*). Для чего?

ДУНЯ. Для работы.

ШАШКА. Для какой работы? Она никогда в жизни не работала.

ДУНЯ. Я бы ее научил.

НАЛЕВО. Мы бы ей тоже помогли.

КОЛЯ. Кто она? Откуда вы ее взяли?

МОИСЕЙ. Так они же двадцать лет назад делали то же самое. Значит, ты проиграл.

ШАШКА. Почему — проиграл?

МОИСЕЙ. Выходит, что это та же самая книга.

ШАШКА (*беспомощно озирает всех*). Ну, товарищи, скажите: кто проиграл?

ДУНЯ (*в первый и в последний раз состригла*). Оба выиграли.

ВАНЯ (*мечтательно*). Через двадцать лет! Что будет через двадцать лет?

(*Входит Тося с пачкой журналов.*)

ТОСЯ (*сразу, как всегда*). Через двадцать лет будет социализм!

ШАШКА (*без знакомых притягиваний*). Безусловно очень возможно.

(*Все бросается к Тося, хапает журналы.*)

МОИСЕЙ. Показки, покажи!

ТОСЯ. Тебе не покажи! Там ни одной твоей записки нету.

МОИСЕЙ. Я никогда не любил знакомых притягиваний.

ШАШКА (*разочарованно*). Я думал, что это будет гораздо красивей.

ТОСЯ (*зло*). Ну, да! С виньетками!

НАПРАВО (*Налево*). Вот твои стихи. Я очень хотел, чтобы был твой портрет, но изборощик говорит, что ты еще не Пушкин.

МОИСЕЙ. Статью о конференции нужно было пустить первой. Куда ты ее засунул?

ТОСЯ. Журнал должен открываться стихами! Это журнал!

ВАНЯ. Статья о какой конференции?

НАЛЕВО. Конференция беспартийной молодежи.

ШАШКА. Беспартийная молодежь! Не понимаю: как это молодежь может быть беспартийной?

ДУНЯ (*читает название статьи*). «Социализм и молодежь».

ТОСЯ (*задумавшись*). А когда социализм действительно будет, так это как будто мы прожили тысячу лет. Потому что я тысячу лет назад мечтал о социализме. Но это как-то непонятно. Социализм — и я сразу живу... и Дуня, и Сашка, и Налеево-Направо. Только вы тогда будете называться изоброт: Направо-Налево. Потому что это тоже изменится в эту тысячу лет, которые двадцать лет, то есть в эти двадцать лет, которые... Ну, вы меня поняли!.

НАПРАВО (*притворно мечтательно*). Через двадцать лет Тося будет знаменитой артисткой.

ТОСЯ. Буду! Обязательно буду!

НАПРАВО (*зубрчливо*). С таким лицом, с таким носом!.

ТОСЯ (*взвешивает не обаятельно, подходит к зеркалу*). Ничего. Под грифом сойдет. Вот Стрелочина — это же жаба была, а очень способная артистка. (*Ваня*). Вот увидишь, на драмкружке какая я буду. Я буду играть главную роль. Хотя как же вы!.

ВАНЯ (*с уверенностью красивой девушки*). А я буду играть старух. Я очень люблю играть старух.

НАЛЕВО (*алкогольно*). Тогда я буду играть старика. Старше вас на несколько лет.

МОИСЕЙ. А Дуня что будет делать?

ДУНЯ. А я буду говорить: «Кушать подано!»

МОИСЕЙ. А я перепрошу: «Подано!» — и пойду кушать.

ВАНЯ. А какую пьесу мы будем играть?

ТОСЯ. А мы напишем сюжет. С главной ролью для меня.

НАПРАВО. Кто это мы?

ТОСЯ. Ну, Налеево. Он общал.

МОИСЕЙ. Ее привел Семен. Пусть он и решает, что с ней дальше делать.

ЯКОВ. Конференция откладывается, потому что вечером в городе будет белое.

(Молчащие.)

ТОСЯ (вздвываясь). Я не понимаю, почему все так волнуются. Мы это со ждали со дня на день.

САШКА. Но оружие ты принес для нас? Когда мы выступаем? (Резкая берёт оружие и рассматривает его. Входит СЕМЕН.)

СЕМЕН. Почему вы с винтовками?

МОИСЕЙ. Потому что мы мобилизованы!

СЕМЕН. Да. Вы мобилизованы. И поэтому вы остаетесь здесь! (Молчащие. СЕМЕН отводит в сторону ЯКОВА и о чем-то тихо беседует с ним.)

НАЛЕВО. Есть такие хорошие слова: «боевое крещение».

СЕМЕН. Есть такое хорошее слово «подполье». Это еще трудней и еще тяжелей. И это будет очень почетно. (Пауза.) Что с вашим драматическим кружком? Он уже начал работать?

ТОСЯ. Мы хотим... Только теперь уже...

СЕМЕН. Теперь этот кружок — все! Вала будет руководить этим кружком. Где она?

ТОСЯ. Яков послал ее в типографию.

СЕМЕН. Пройдет несколько дней, может быть, недель. Вы будете отосыживаться дома. Вала будет находиться здесь. Ее не тронут. И когда все станет спокойнo, она сообщит мне. И здесь вы можете собираться. Здесь, в бывшем комсомольском клубе, бас уже никто не будет играть. Это покажется невероятным.

МОИСЕЙ. А если вернутся хозяева?

СЕМЕН. Вала знакома с хозяевами. Она им скажет, что в их отсутствие она просматривала некулацких рабочих. Это у них бывает.

МОИСЕЙ. А мы будем сидеть, как в клетке, и ждать, чтобы нас выпустили?

СЕМЕН. А вы будете сидеть, как в клетке, которую надо разломать! А для этого надо работать! Вы будете работать так, как никогда не работали... Мужество — это не только красиво: мужество — это еще очень тяжелая кладь, которую надо терпеливо носить изо дня в день. Больше всего в жизни я бы хотел увидеть вас опять живыми и веселыми, когда вернутся наши.

(На улице мари. Все бросаются к окну.)

ВАНЯ. Это мой полк. До свиданья, товарищи! (Покидает всею ружьями.) Извините за разлуку, но я тут не при чем! (Убегает.) (За окном пельки.)

«Ох, придется тебе не скоро
Слыть моего обнимать:
В исторические просторы
Ухожу я, родная мать!

Эй, трубач молодецкий!
Затруби такое,
Чтобы вала молодость
Потекла рекою!

Нашу молодость боевую
Никогда не согнуты другой —
Не пойдем мы на мировую
В революции мировой!

Эй, трубач молодецкий!
Затруби такое,
Чтоб до счастья нашего
Нам достать рукою!

(КОЛЯ кулаком распахнул окно и поет в улицу.)

«Мы идем в ураган шпалеви,
Чтоб в далекие времена,
Словам дельцам, пролетари
Комсомольские внемля!»

(И ему с улицы полк отвечает припевом.)

«Эй, трубач молодецкий!
Затруби такое,

Чтобы наша молодость
Потекла рекою».

(Убегает ВАНЯ, за ним еще двое ребят. Они зовут его обратно, но он не слушает их.)

ВАНЯ. Яков! Пронесся ружья! Они очень просят. Пронесся ружья ЯКОВ (в открытое окно). Товарищи! Счастливых боев вам, товарищи! Вспоминайте о нас в ваших победах! Мы всегда с вами! Выступаем — в ваших победах, — потому что мы всегда с вами! Прощайте, товарищи!

КРИКИ С УЛИЦЫ. Прощайте, товарищи!

САШКА (в окно). Товарищи-и-и. Прощайте!. Товарищи-и-и.

КРИКИ С УЛИЦЫ. Прощай, Сапка-а-и.

(На улице становится все тише. За окном — пустой город.)

СЕМЕН. Это ушел последний полк. Теперь в городе нет ни одного красноармейца.

(Все стоят молча, МОИСЕЙ вертит в руках трубу.)

ТОСЯ. Можешь спрятать свою трубу. Драмкружок кончился.

СЕМЕН. Почему — кончился? Драмкружок только начинается. (Входит ВАЛЯ. В руках у нее папка журналов. Все время она стоит немолко поодаль.)

САШКА (протягивает Семену книгу, робко). Я вот хотел предложить, чтобы мы играли «Двадцать лет спустя».

СЕМЕН (посмотрела книгу и возвращает ее Сашке). Двадцать лет спустя! Представьте себе, что прошло двадцать лет и кто сидит среди комсомольцев 1940 года. И что ты, Яков, выступавший как старый комсомолец. Что бы ты им сказал?

(И пока СЕМЕН говорит, медленно загорается свет в зрительном зале.)

ЯКОВ (в наполненной освещенный зал). Товарищи! В 1919 году в городе, окруженном со всех сторон белыми, собралась группа комсомольцев. Они ушли в подполье. Сейчас, перебирая архивы Истмоло, вы знаете, кто из нас дожил до ваших дней и кто погиб свяною смертью. Мы этого еще не знали. Мы жили одним духом. И вот — будто бы снова я сижу в этой знакомой комнате, будто рядом со мной опять мои молодые друзья и наш комсомольский полк читает свои стихи.

НАЛЕВО (поднимается и читает стихи):

«Мы в жизнь вошли с простертыми штаниками,

И ветер будущего зномя шевелит,

И снова время зномями громами

Над новым поколением загнет.

Но наши дни, но годы боевые

В сохранности в грядущие нести

Мы обещаем вам, чтоб рядом, как живые,

По Красной площади в Октябрьский день пройди.

Мы шли в походах, отбоя не зная,

Чтобы потом, чтобы в конце дорог,

Земля уродливая, грязная, болотная

Такой красавицей делала у ваших ног!»

(МОИСЕЙ начинает напевать, и остальные присоединяются к нему.)

«ПЕСНЯ О СОРОКОВОМ ГОДЕ»

«Шумит над нами время боевое,

Прифронтовой динней лет...

Мы будем жить легендой молодую

И через год и двадцать лет спустя.

О прошлых днях, о первом наступлении,

О знаменосцах в боевом ряду

Споет о нас другое поколение,

Споет о нас в сороковом году.

И молодежь подхватит песню эту,

И пронесет через года побед,

И передаст ее, как эстафету,

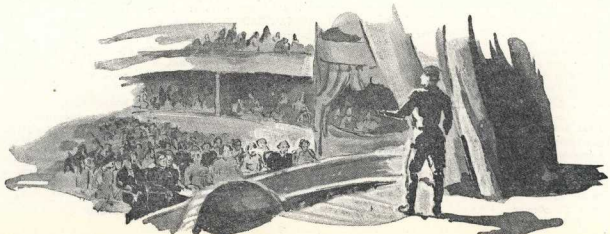
Далеким детям шестидесятых лет...»

(Постепенно гаснет свет над сценой и в зрительном зале. И уже в полной темноте, будто из далекого прошлого, звучит труба Моисей.

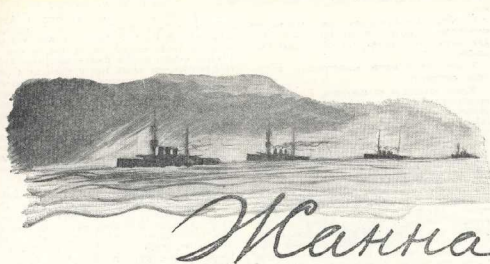
И ее перекликают трубы, сопровождающая весь спектакль.)

«Ра-та-та-та! Т-та!»

(Конец второго действия.)

Жанна

...она француженка, т. е. Жанна Либур, — стало известно лесу Французскому пролетариату и стало долгою борьбой, стало тем не менее, победою которого нас французские рабочие, объединившись, для выступления против международного империализма.

(В. П. Ленин. Доклад на 7-м Всероссийском съезде комсомола 5 декабря 1919 года).

Только двадцать восемь дней в феврале, и если даже считать днем приезда Жанна первое число, — всего двадцать восемь дней пробыла она в Одессе. Но эти дни были так насыщены и напряжены, так зарастали события в том удивительном году, что под их напором коммюнизм, обычные календарные и арифметические расчеты. И февраль в Одессе 1919 года из самого короткого месяца превращался в горючий стусок времени, становился эпохой.

Мы не располагаем сведениями о том, каким образом командированная ЦК большевизма Жанна Либур сумела пробраться в оккупированный французский город. Вполне, что это ей удалось. Да и кто лучше нее, опытной подпольщицы, умелого проводника «политических» через границу, мог совершить этот опасный путь, требующий отваги, находчивости, хладнокровия и умения рисковать?

Она приехала в начале февраля, и Одесса являлась ей, чуть тронутая весной, измученная голодом, убийствами, куртками, являла красавица в полных отряпках. Быт порождал контрастами. На Дерibasовской можно было слышать странные диалекты. «У него и одного нет», — презрительно говорила про кого-то ироничный субъект. Это означало: «До чего же он интелектуал!» У него нет и одного миллиона». Спекулянты кишели в городе. Толсты они были не только естественной толщиной: ленты буржуйных денег опоясывали их, как бронировки.

Умирали от истощения дети. Безработные вудли с голоду. Газеты сообщали о «случае» в Публичной библиотеке — некто, обложив и сторону книги, произвольно закрывал: «Я хочу!» На последней газетной полосе, вслед за объявлениями ограбленных, умоляющих пока вернуть документы по известному адресу, жаркими буквами печатались рекламные бесчисленных ресторанов, кафе, кабачков. Одних только платных клубов в Одессе было сто десять, 110 игорных клубов и 17 контораскинок!

Агенты французских контрразведок убивали, предавали открыто грабить, лиц, подозрительных в политическом отношении. Налетчики грабжали и убивали других граждан: «холодильники» налетчики иногда напали. Убийства и грабежи стали в городе явными явлениями. «Налеты — единственная прощная и неизменная особенность нашей жизни», — грустно отступил фельетонист в «Одесских новостях».

Статистика морга бесстрастно сообщила, что за последнее время число убийств выросло с

прежних 3 до 33 в месяц. Испомерно вздувались цены. По городу ползли слухи о кровавых потрохах в Херсоне и Николаеве.

Такова была «мирная жизнь», созданная теми, кто провозглашал себя христалликом социалистичности и призывал в чужой стране.

Их первые суда пришли в Одессу в декабре 1918 года. 4 декабря встали на якорь в одесском рейде французские военные корабли «Жюстин», «Жюль Мишле», «Мирабо». Командир «Мирабо» принял начальство над союзной эскадрой в одесском порту.

В тот же день был проведен торжественный парад. Загоревшие моряки шагали по улицам чужого города, возбуждая восторг народа той публики. «Смотрите, какие молодцы!» — говорили в толпе. Под этим подразумевалось: «Вот кто сумеет охренеть нас от большевизма. Это как не петлюровцы?».

Матросы шагали, складные, крепкие парни. Их широкие ладони были покрыты мозолями. Если приглядеться, форма французев не отличалась свежестью, а глазах просветлялась усталость. За плечами каждого стояли винты, муштра, ведомствительная начальства. Матросы тосковали по родине. Одесса была для них только дорогой задержкой по дороге домой. Что знали они о своей роли в этой стране?

1919 год. Одесса. В город вошла Красная Армия. В честь этого радостного события молодежь устроила манифестацию.

На материалон Музея революции.

Начальство внушало им, что большевизм — вервара и государственные преступники. Что знали французские моряки о большевизме?

Французы, рабочие люди, французы, ее братья по крови, — душистые революцион! При мысли об этом Жанна бодделала от гнева и гнева. Могла ли она оставаться в Москве? Где ее место, как не здесь, рядом со смеельщиками, которые тытаются раскрыть эти следые глаза, прояснить сломом в глупые уши? Умереть или обмануть их, потопить, но заставить понять, каков позорная роль навязана французскому солдату в России. Зачем вы здесь, французские солдаты и матросы? Товарищи, что делаете вы здесь?

Друзья перед отъездом умоляли ее: будь осторожнее. Хорошо, она постарается соблюсти осторожность. Но ведь умирают только один раз...

...Любой жизнью живет Одесса. Одна — наверху, на широких, белых улицах, где бродят патрули французев, болгар, греков и сепаратистов, где стоят повурье люди у дверей тощих магазинов, где торжует валютот и разное сплетни. О другой жизни знают немногие, она скрята глубоко. Подполье Одессы — подполье в буквальном смысле этого слова.

В шести километрах от города находится селение Куальник, славящееся своей лебкой водой. В одном из куальнических домов заема замаскированной жон, ведущий в подполье, старые каменоломни. Вся Одесса построена на таких катакомбах.

Существует еще другой ход в подполье, через овраг, вылазке от кирпичного завода. Туда приходится спускаться вниз головой, пробираться подползая по мокрям, глиняным переходам, слугая шипер и змей. Пуляна из хоров и лабиринтов приводит, наконец, в довольно обширное подпольное помещение, где стоит большая нечиная машина типа «Маринки». О близости этого помещения возвещает удивительный запах карбила, который освещает типография.

Работать здесь приходилось по 12—15 часов в холоде и сырости, в воздухе, пропитанном душнущей вошью карбила, под угрозою постоянного обвала. В таких нечеловеческих условиях работали «Коммунисты» — подпольный орган областного комитета партии, французская газета «Le communiste» и пламенные листочки, обмененные к сознанию и совети инкогнанных солдат и матросов.

«Le communiste» редактировала иностранная коллегия». Под эти академические безстрастным названием вошла и историко революционного движения группа смеельцов, во главе которой встала по приезде в Одессу Жанна Либур.

Их было шесть, шесть коммунистов, руководивших областным комитетом партии, одна француженка и пять бывших политехничков, отлично владевших французским языком. Их назвали короткими именами, фамилии подпольщиков были почти неизвестны даже тем, кто работал с ними бок о бок. Не Шпилльвер, не Елина, не Вильяжского и не Ли-

ФАЦЕЛИЯ

Давным-давно это было, но бываем еще и не поросом, и я не дам порастить, пока там буду жив. В то далекое «чеховское» время мы, два агронома, люди между собой почти незнакомые, ехали в тележке в старый Волоколамский уезд по делам травоисследования. По пути нам было целое поле цветущей синей медоносной травы фацелии. В солнечный день, среди нашей нежной подмосковной природы это яркое поле цветов казалось чудесным явлением. Синие птицы как будто бы из далекой страны прилетели, ночевали тут и оставили после себя это синее поле. Сколько же там, мне думалось, в этой медоносной синей траве, теперь гудит насекомых! Но ничего не было слышно из-за таратайки тележки по сухой дороге. Очарованный этой силой земли, я забыл о делах травоисследования и, только что послушав гудя жинки в цветках, попросил товарища остановить лошадей.

Сколько времени мы стояли, сколько я был тем с синими птицами, не могу сказать. Полегла душно вместе с птичками, я обратился к агроному, чтобы он прогнал лошадей, и тут только заметил, что этот тучный человек, с круглыми заветренными простонародными лицом наблюдал меня и раздумывал с удивлением.

— Зачем вы остановились? — спросил он. — Да вот, — ответил я, — пчел захотелось послушать.

Агроном тронул лошадей. Теперь я, в свою очередь, взгляделся в него сбоку и что-то заметил. Еще раз взглянул на него, еще и понял, что этот до крайности практический человек тоже о чем-то задумался, пошел через посредство, быть может, меня роскошную силу цветов этой фацелии.

От его молчания мне становилось неловко. Я спросил его о чем-то незначительном, лишь бы не молчал, но он на мой вопрос не обратил ни малейшего внимания. Похоже было, что мое какое-то неловкое отношение к природе, быть может, просто даже молодость моя, почти юность, вызвали в нем свое собственное время, когда каждый почти бывает по-тому.

Чтобы окончательно вернуть этого тучного красного человека с широким затылком к действительной жизни, я поставила ему по тому времени очень серьезный, практический вопрос:

— По-моему, — сказала я, — без поддержки кооперации наша пропаганда травосеяния — пустая болтовня.

— А была ли у вас, — спросил он, — когда-нибудь своя Фацелия?

— Как так? — изумился я.

— Ну да, — повторил он, — была ли она?

Я пошла и ответила, как подобает мужчине, что, конечно, была, что как же иначе.

— От какой земли? — продолжал он свой допрос.

— Да, приходила...

— Мне стало больно. Я ничего не сказала, но только сматывала ружьями в смысле: нет ее, нечезала. Потом, подумав, сказала о фацелии:

— Как будто ночевали синие птицы и оставили свои синие перья.

Он помолчал, глубоко взгляделся в меня и закачнулся по-человечьи.

— Ну, значит, больше она уже не придет.

И, оглядев синее поле фацелии, сказал: — От этой земли этой лежат только синие перышки.

Словно он тужился, тужился я, и наконец, звавими над моей могилкой пилиту: я еще ждал до сих пор, а тут как будто навсегда кончилось, и «она» никогда не придет.

Сам же он вдруг зарыдал. Тогда для меня его широкий затылок, его плутовские, званые жиром гавзды, его местный подбородок исчезал, и стало жаль человека, всего человека в его величавых жизненной силе. Я хотел сказать ему что-то хорошее, взяла вожжи в свои руки, подбехала к воле, намочила платок, осеняла его. Вскоре он оправился, вытер гавзды, взяла вожжи опять в свои руки, и мы поехали попрежнему.

Через некоторое время я решила спросить опять, высказать, как мне казалось тогда, вполне самостоятельную мысль о травосеянии, что без поддержки кооперации мы никогда не убедим крестьян вступить в севооборот клевер.

— А почему-то? — спросил он, не обратив никакого внимания на мои деловые слова.

— Конечно, было, — ответила я, как настоящий мужчина.

Он опять задумался и — такой мучительный — опять спросил:

— Что же, одна только почва была? Мне казалось, я чуть-чуть рассердился, окончательно овладел собой и на вопрос, одна или две, ответила из Пушкина:

— Вся жизнь — одна ли, две ли зючичи.

Сколько уж лет прошло с тех пор. Каждую весну хожу я на тягу и каждую весну вспоминаю Фацелию. Вот и новая яркая весна, и все было превращено на этой тяге, но вальдшнеп не прилетел. Я погружался в свои воспоминания, и вот тут сейчас — вальдшнеп не прилетел, а в далеком прошлом она не пришла.

Такой сейчас чудесный вечер, все птицы поют, все есть, но вальдшнеп не прилетел. Столкнувшись две струйки в ручье, послышалась вальсика, и ничего: попрежнему вода мягко катится по весеннему ауту.

А после оказалось, раздумывала я, из-за этого, что она не пришла, сложилась моя особенная жизнь. Вышло так, что образ ее мало-помалу с годами исчезал, а чувство оставалось без лица и жило в вечных поисках образа и не находило его, обращалась с ростившимся злым-ликим влюбленным живым всей вышней землей, всего мира. Так, на месте одного лица стало в се, как лицо, и я любовалась всю жизнь своим чертами этого необъятного лица, каждую весну что-то прибавляя к своим наблюдениям. Я была счастлива, и единственно, чего мне еще не хватало, — это, чтобы счастливая, как я, была все.

Так вот оно чем объясняется, что мое дело остается жить: потому что это моя собственная жизнь. И всякий, кто знает мене, мог бы как я попоробуй-ка, откажись от лишнего этажа своего «я», перенеси чувство свое этажом выше, и у тебя тоже выйдет неплохо.

И я думаю теперь, что счастье вовсе не зависит от того, пришла она или не пришла, счастье зависит лишь от любви, была она или не была: самая любовь есть счастье, и эту любовь глядела отдавать от «таланды».

Так я думаю, пока не стемнело, и я вдруг поняла, что больше вальдшнеп не прилетит. Тогда реткая боль схватывала меня, и я прошептала про себя:

— Охотник, охотник, отчего ты тогда не удержишь ее!

Я до того утратил ее черты, что не мог бы по лицу узнать ее. И только вот один глаз, похожие на две северные звездочки, — это я бы, конечно, узнал.

И случилось однажды, и зашла в комиссионный магазин купить себе одну вещь. Мне удалось вещь найти и купить. С чеком в руке я стал в очередь. Рядом же была очередь вторая, из тех, у кого была только купленная вещь, а денег не было разменных денег. Одна молодая женщина из той очереди попросила у меня заменить ей пять рублей: ей нужно было всего только два рубля. У меня было мелочь только для рубля, и я охотно предложил взять от меня эти два рубля...

Вероятно, она не поняла меня, что я желал просто отдать ей подарить деньги, а может быть, она была такая милая, что победила в себе чувство ложного стыда и хотела стать выше условных мелочей. К сожалению, противная денги, и взглянула на нее и вдруг узнала те самые глаза, те самые две северные звездочки, как у Фацелии. В одно мгновение я успел через глаза заглянуть внутрь ее души, и у меня мелькнуло, что эта женщина, может быть, — дочь Фацелии.

Но денег от меня после такого заглядывания взять оказалось невозможным. А может быть, она только тут успела сообразить, что денги я хочу ей, несчаемой, подарить.

— Нет, — сказала она, — так взять от вас я не могу.

А это в ту минуту, узнавая те глаза, готов был отдать ей все, что у меня было, я готов был по одному ее слову поехать куда-то и принести ей еще и еще. Уходящим взглядом, как нищий из нищизы, и поглядывал и попросил:

— Возьмите же...

— Нет! — повторила она.

И когда у меня сжимался вид совершенно несчастного, беззащитного, брошенного, измученного бездомным человеком, она что-то вдруг поняла, улыбнулась той самой, прежней своей улыбкой Фацелии и сказала:

— Мы сделаем так. Вы у меня возьмете пять рублей и мне дадите два. Хотите?

С восторгом я взял у нее пять рублей и увидел, что восторг мой она хорошо поняла и оценила.

***

Никаких сладов того, что называют любовью, не было в жизни этого старого художника. Вся любовь его, все, чем люди живут для себя, у него было отдано искусству. Своими своими видениями, окутанной вуалью поэзии, он сохранил и ребенком, удовлетворяясь взрывами смертельной тоски и опьянением радостей от жизни природы.

Прошло бы, может быть, немного времени, и он умер бы, уверенный, что такая и есть вся жизнь на земле...

Но вот однажды пришла к нему женщина, уже настоящая, и он отдал ей не мечте своей, пролетела свое «влюбь».

Так все говорит, и Фацелия, оживала от художника особенного и необыкновенного выражения чувства любви.

— А что это значит: «влюбь»?

— Это значит, — сказала она, — что если у меня остается последний кусок хлеба, я не стану его есть и отдаю тебе; если ты будешь болен, я не отойду от тебя; если для тебя надо будет работать, я впряжусь как осел...

И он еще много навязывал ей такого, что люди выносят не из любви.

— Фацелия напрасно ждала безыдельного.

— Отдать последний кусок хлеба, ходить за больной, работать ослом, — повторила она, — да ведь это же у всех, так все делают!

— А мне этого и хочется, — ответила художник, — чтобы у меня было теперь, как у всех. Я же об этом именно и говорю, что некаждому человеку можно сейчас же не считать себя человеком особенным, одиноким, и быть, как все хорошие люди.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО НЕМАНУ И ВИЛИИ

Мы плывем по Неману — главной реке Литовской ССР. Минуюм Гродно, где река делает поворот на север, и спускаемся вниз по течению. Чем ближе к Каунасу, тем живописнее берега, окаймленные густыми лесами.

Столетие назад здесь были густые заросли ели, пихты, сосны, дуба и березы. Эти леса частично вырублены, но и сейчас они составляют пятую часть всей территории страны.

Вокруг как равнина, прерываемая холмами. Много озер и болот. Осушенные болота превращены в пашни. Совсем еще недавно большая часть земли в Литве принадлежала помещикам. 600 помещиков имели столько земли, сколько 70 тысяч крестьянских хозяйств.

Наш путь лежит мимо городов. Вся история литовского народа, литовских городов неразрывно связана с историей зародившейся страны.

С древних времен литовцы были близкими соседями славян — предков русских, украинцев и белорусов.

ВЧЕРАШНИЙ ДЕНЬ

Народ в буржуазно-помещичьей Литве был обречен на нищету и замирание. 53 процента самых лучших земель Литвы принадлежали небольшой кучке помещиков и сельских богачей.

200 тысяч батраков работали на их земле. Труд был дешев, что помещикам не было смысла приобретать даже простейшие сельскохозяйственные машины. Крестьяне же были так бедны, что покупали один плуг на два хозяйства. На десять хозяйств приходилось одна борона.

Не лучше жилось и рабочим. На текстильных фабриках рабочий день продолжался 12 часов в сутки. Шерсть обрабатывали по 14 часов, а пряжи — по 16.

Великое княжество Литовское было образовано в XIV веке. Под властью литовского князя оказались земли, населенные русскими. Русская культура стала культурой и литовского народа. Государственный языком здесь считался русский, а даже тогда указом великого князя писались по-русски.

Мы поднимаемся к Каунасу — это главный промышленный центр Литвы; но крупных предприятий здесь нет. Промышленность Литвы была развита слабо, но всей стране рабочих насчитывалось меньше чем на одном крупном советском заводе.

Мы миновали мост, переброшенный у Каунаса через Неман, и вошли в русло реки Вилия — этой рекой по величине в Литве. Поднявшись вверх по течению, мы приближаемся к древней столице Литвы — Вильнюсу. Это город большой, старинной культуры.

Основал его литовский князь Гедимин в 1292 году. В Вильню было устроено одна из первых в мире типографий, и первая книга, напечатан-

ная в ней (1525 год), была русской.

Когда в 1919 году Литва стала независимой республикой, советское правительство призывало к ней присоединиться, но польские панты, пользуясь поддержкой англо-французских империалистов, захватили город.

В 1920 году Красная Армия разгромила бело-польские и советское правительство вернули литовцам их древнюю столицу. Однако буржуазное правительство Литвы оказалось неспособным удержать Вильнюс в своих руках. Под властью Польши этот город находился 19 лет.

В 1939 году доблестная Красная Армия приняла руку братской помощи народам Западной Украины и Западной Белоруссии, и советское правительство снова отдало Вильню литовцам.

Сейчас по воле литовского народа Вильню — советский город.

Наше путешествие подходит к концу. Поднявшись вверх по течению Вилии, мы можем вернуться обратно в Белорусскую ССР.

***

Великий польский поэт Адам Мицкевич, друг Пушкина, был литовцем по рождению. Многие стихи Мицкевича посвящены своей родине. В одном из них поэт мечтает о возвращении в родную страну.

«...а холмам родным,
К лугам, к долам благоговым,
Струями Немана вспоенным,
И раструнами над ним,—
Полам, где весело теснится
Колоса, полные зерна,
К полям, что жито серебрятся
Им раззолочены шеном,
К полям гречиха бласнежным,
К местам, где сломь румянится
В цветята дятлами горит,
И дол широким порубажным
Зеленым поном обит.»

«Осенний пейзаж». С картины эстонского художника Юхана Ныммика.

Творчество замечательного литовского поэта Лядаса Гира прочно связано с жизнью его родного народа. Несмотря стиха его на форме напоминают дайны—народные литовские песни.

Использование элементов народной поэзии для Л. Гира—не внешняя, формальная призма: оно определяется глубоким внутренним содержанием его творчества. Туга и скорбь, стремление к свободе и нежность к «рабской доле», лучшие и стихи поэта, выражают чувства и мысли литовского народа, томимогося под игом польской и княжеской.

Сейчас перед литовским искусством открываются новые горизонты. Уже зреют новые песни, неслыханные на древние. И нет сомнения, что одним из плодотворнейших творческих очагов радости и вдохновения будет поэтизация Лядас Гира.

Людас ГИРА

К БРАТЬЯМ-ЛАТЫШАМ

Нет, мы не только близкие соседи:
Мы старь одним владели языком,
С одною песней мы рвались к победе,
Плечо к плечу стремились в бой с врагом.
Порой латышка-мать с латышской песней
Качает колыбель и в наши дни,
А те слова, что слов других чудесней,
Слова любви, слова высокой чести,—
Как сложи в наших вымках оны:
Се мило, дай добро, и твоя и брань!
Мы девушки, мы родные святой
Вавиловануно песню посвящали,
На тех же трав мы им венки сплетали,
В ноши вломились тою же звездой.
Мы любим Балтику— дитяни, латыни дн,
И Балтика, как ласковая мать,
Целует берег ваш. И вместе вышли
Мы солнце нашей волею встретить.
И если нам невнятная судьбою

«...ей любовью», кто здравствует», «родина», «братья» (латыши).

«Смена» № 9

Не общие назначены пути,
Пускай поднимут факел свой звездоло
Те, кто зовет народы наши к бою,
Чтоб их к великой правде привели.

Перевела с литовского Н. Волынина

ЭЛЕГИЯ САМОМУ СЕБЕ

Эх ты, песня, моя песня,
Тоскою повита,
Словно дикая дорожка,
Что травой покрыта.
Та забыта тропинка—
К тесовым воротам,
Где никто меня не встретит
И не спросит: «кто там?»
Шопот легкий, смех девичий
Замер у окошка,
И не звякают подковы,
Умолкла дорожка.
Как от боли, от обиды,
От лютых кручины
Сохнет парень, словно клевер
Средь желтой равнины.
Да и песни тоже винут:
Радость миновалась.
Где же ты, бывшая радость,
Куда ты девалась?
Непокой, да грусть, да горе
Сдружились со мною,
Сердце в песнях изоляется
Широкой волною.
Словно узник в клетке тесной,
Сердце а песне бьется.
Словно филин, за рожеткой
Плещет и смеется.
А ведь радостно звучала б
Дайна молодая,
Я не стал бы тратить жалоб,

Напрасно рыдал.
Засиди б мои песни
Привольной краскою,
Если б слезы не катились
Туманной росой,
Если бы чуждою горькой
Не был я задавлен,
Если б я от рабской доли
Был навек избавлен...

Перевела с литовского М. Захаровская

«Старушка». С картины эстонского художника Карла Лейманна.

Митюшка и веточка

ИЗ СТАРЫХ УРАЛЬСКИХ СКАЗОВ

У Даниила с Катей ребятишек много-много нарождало. Восемь, слышь-ко, человек, и все парнишечки. Мать-то не раз рожала!..

— Хоть бы одна дочка на поглядочку!

— Отец, знай, похотывает:

— Такое, видно, наше с тобой положение!

Ребятик здоровенных росли. Только одному не достасливалось. То ли с криволазом, то ли еще откуда снахлелся и सब повзрослел: горбик у него расти стал. Ваушки правили, понятию, да толку не вышло. Так горбатышкому и пришлось на белом свете маяться.

Другие ребятишки, а так замечало, замечало выходят при таком-то случае, а этот ни чего, несезенный рос и на выдумки мастер. Он гретьем в семье-то приходился, а все братья его слушались и спрашивали:

— Ты, Митя, как думаешь? Поштово, Митя, к чему это?

Отец с матерью, и те частенько покрикивали:

— Митюшка! Поглядя-ко! Ладно, на твой глаз?

— Митяшко, не приметя, куда я воробы поставляю?

И то Митюшке делало, что отец смолоду ловко на рожке играл. Этот тоже никакую смастерил, так она у него ровню сама песню выговаривала.

Данило по своему мастерству все с таки зарабатывало ладно. Ну и Ката без дела не скживала. Вот, значит, и полигали семью, за куском в люди не ходили. И об одоженке ребячьей Катя заботилась. Чтоб всем спрва была: пирамки там, шубенки и проча. Летом-то, понятию, и боснокм ладино: свои кожан, не куплены. А Митюшке, как он всех жалывал, и сподожнени были. Старшие братья этому не замывали, а малыя сами матери говорили:

— Мамочка, поря, поди, Миге новые свитчи зводить. Глади ему на ногу не асует, а мю бы как раз принахал.

Свою, видишь, ребячью хитрость имели, как бы покосере митюши сподожнени себе прикатосил. Так у них все гладишню к матерью. Соседи изживовались премо:

— Что это у Катерины за робота! Никогда у них и драчишки меж собой не случались!

А это все Митюшка—главная причина. Он с семье-то ровню огонек в асует; кого ржавесаму, кого обгорел, кого на думки введет.

К ремеслу своему Данило не допущал ребятишек до времени.

— Пускай, — говорит, — подрастут сперва. Успевет еще малахитовой пшлы наглотиться!

Ката тоже с мужем в полном согласии: равно еще за ремесло садить. Да еще придумано поучит ребятишек, чтоб, значит, читать, писать, цифру понимать. Школы по тогдашнему положению не было, и стали старшие-то ребята бегать к какой-то мастерице. И Митюшка с ними. Те ребята поигативные, хваляли их мастерица, а этот пово не отличку... В те годы по-судомному учили, а он састу берет. Не успевае мастерица показать — он об-

мозгова. Братья еще скадали тогалин, а он уж читал: знай, слова лози. Мастерица ни раз говаривала:

— Не бывало у меня такого вымучника.

Тут отец с матерью возьми и погордись маленько: завели Митюшке сподожнени поформеннее. Вот с этих сподожнени и начал пошлый пересорот жизни и вышел.

В тот год, слышь-ко, барин на завое жли. Проинкута, видно, денежки в Сам-петербурге, вот и приехал на завод: не выскробо ли, дескать, еще сколь-нибудь?

При таком-то деле, понятию, как денег не найти, ежели с умом распорядиться. Огни прикзисные да прикзисчэ сколько воровали. Только барин вое в эту сторону и глядеть не умеа.

Едет это он по улице и угладел: у одной избы трос ребятишек играл, и все в сподож. Барин им и маячит ружей-то: ниде сна!

Митюшке хоть не приводилось до той поры барина видеть, а признал, небось. Лошадь, вишь, отменные, кучер по форме, да под лаком и солок — тор-торой, жиром заплыла, еле ворочается, а перед бровком плаку держит с золотым набадланником.

Митюшка оробеа маленько, все ж таки ухватил: башкетик та ружья и подова побандик к коллеке, а барин кричит:

— Чьи такие?

Митюшка, как старший, объясняет сподожненько:

— Камастера Данила сыновья. Я вот Митрия, а это мои братишки малыя.

Барин аж посмеял от этого разговору, чуть не залоска, только приставывает:

— Ох-ох! Что делаете! Что делаете! Ох-ох!

Потом, видно, провздыкался-де и заревел медведем:

— Это что? А? — а сам накой-то на ноги ребятик покаявывает.

Малые, понятию, испужались, к воротам кинулись, а Митюшка стоит и никак в толк взять не может, о чем его барин спрашивает. Тот завалил свое, недоладно одел:

— Это что?

— Митюшка вооце оробеа да я говорит: — Земля.

Барин как параличом хваило, захрипел воем:

— Хр-р-р... Хр-р-р... До чего дошло! До чего дошло! Хр-р... Хр-р...

Тут Данило сам из избы выбежал, толкит барин не ста, с ним разговаривать, толкит кучера набадланником в шест пожезай!

Этот барин не твердого ума был. Смолоду за ним такое замечалось, к старости и вооце несомостоятельности стал. Напугуется на человека, потом и сам объяснит не умеет, что ему надо. Ну, Данило с Катериной и подумали: «Может, ободается дело, забудет про ребятишек, пока домом доедет!» Только не тут-то было: не забыл барин ребячьих сподожнени. Первым делом на прикзиска нассал:

— Ты куда галишишь? У барина башкетик читать не на что, а крепостных своих ребятишек в сподож водит? Какой ты после этого прикзиска?

Тот обясняет:

— Вашей, дескать, барской милостью Данило на оброк отущен, и сколько брат с него, тоже умалю, а как платит он исправно, я и узнал...

— А ты, — кричит, — не думай, а гледи в оба! Вон у него что завелось! Где это глядио? Бегтевро! Бегтевро! оброк плативши!

Потом призвал Данила и сам обяснил ему новый оброк. Данила видит: вооце испуживца — и говорит:

— И воли барской уйти не могу, а только оброк такой тоже платить не в силу. Буду работать, как другие, по нашему барскому приказу.

Баричу, видно, это не по губе. Денег и без того нехватка, не до каменной поделки. В пору и ту продать, кол от старых годов остаеся. На другую какую работу каменерез поставить тоже не почитит. Ну, давай риднись. Сколько все-таки он отбиваясь Данила, оброк ему вдобе барин назначил, а из кош- — в гору. Вот куда загнул!

Понятию дело, хваило Данило с Катей пришлось. Всех прижако, а ребятикам хуже всего: до возраста за работу сям. Так и доучиться им не дозалеся. Митюшка тут вылезло, всех зобя стучица — сам так и летел на работу. Помогать, дескать, отцу с матерью буду, а те опять все смеуют:

— И так-то в нас нездоровая, а посели его за маллет — вооце изведется. Поэтому крутом в этом деле коло. Призвоничь зар готовить — пшлы не продохнет, шебенку колотить — глыва беречи, а олову крошккой волкой на полку вывалить — парам зашунит! Думаем, думаем и придулами отдать Митюшку по граничному делу учиться.

Глаз, дескать, хваити, пшалы глывеи, и снам большой не надо — самия по нему работа.

Гранивалышк, конечно, у них в родстве была. К нему и пристроили, а он рад-радоснее, потому знал парничком слышалащия и к работа неонали.

Гранивалышк этот так себе, срединный был, второй, а то и третий цены камешек дела. Мастерица Митюшка перенела от него, что тот умеа. Потом этот мастер и говорит Данилу:

— Надо твоего парничка в город отправить. Пшуты там дойдет до настоящих дел.

Так и сдасали. У Даниила в городе мало ли знакомства было по каменному-то делу! Нашел, кого надо, и пристроил Митюшку. Пшала он к старому мастеру по каменной ятоде, кое, видишь, бывало, из каменей ятоды делавт. Выноргал там, смолоду, мамину и проча. И на все установка имелася. Черну, скажем, смолорину из ятоды делавт. Шибко бела — из думалышк, каубинку — из сургуной яшмы, клещеинку — из мелких шероховат шпирячок каеями. Одним словом, всякой ятоды свой каменей. Даа доворшил да мастеров так-то свой порядок был: кое из офита, кое из малахита, либо из ораца, и там еще из какого-нибудь камня.

Митюшка все это уставов перенять не мог, а и придулат по-своему. Мастер сперва ворчала, потом похваливал его ста!

— Пожлуй, так-то живее выходит. Напоследок прямо объявил:

— Гайку я, парни, шибко больше твою зарываю, а вот эту... Воню мне, старик, у тебя учиться. Все же я мастер стал, да еще с выдумкой.

Потом помочаща маленка да и наказывал:

— Только ты, гайки, хожу ей не давай! Выдумку-то! Как бы за нее руки не отбила. Вышла бы такая сука.

— Ну, незачем, незачем! — без всякого внимания к этому. Еще поменяется:

— Была бы выдумка хороша. Кто за нее руки отбавит стает?

— Как вот и стает. Митюха мастером, а еще вовсе молодой! Показалось, ус пробивается ста. Показалось он не скачует, всегда у него работы полно. Лавочки по комсомольскому делу сачула, видно, что от этого парня больше башенком пахнет, — один перед другим заказы ему дают, успевай толкать. Митюха тут и придула!

— Идешь-то я домой. Коим мою работу надо, так меня и дома найду. Дорога недалекая, и груз немалый — материала привести да поделку выработать.

Так и сдался. Со своими обрадовался, понятию: Митя пришла. Он тоже повесе лить всех желает, а самому несладко. Дома-то чьи не дальняя малахитовая мастерская стала. Отец Митюхи, человек бравый в старости, а в молодости и маашины братья тут же, кто на раскладке, кто на шифровке. У матери на руках долготочка, доводит ее до слезки трещается, а радости в семье нет. Давно уж вовсе стариков жалит, старшие братья поканивают, да и на малых смотрит недоволю. Бывает, бьются, а все в барский оброк уходит.

Митюха тут и заподумывала: все, дескать, из-за себя савоинчик вышло. Давой скорей свое дело наладить. Оно хоть мелкое, а станок к нему но один, инструментшко тоже требуется. Мелочье все, а место и ей надо. Пристроится в избе против окошка и пришла к работе, а при ней думает: «Как же побить камень из здепного камня ягода гочить? Тогда и младших братишек можно было бы к этому делу пристроить». Думает, думает, а шутки не в счет. В маашине выдвинуло, хризоит да малахит больше покладывает. Хризоит тоже дешово не добудешь да и не подходит он, а малахит только на листочек и то вовсе не годится: оправки либо подкаеки требуют.

Вот раз сидит за работой. Окошко перед станком по летнему времени открыто. В избе никого больше нет. Мать по своим делам куда-то ушла, малыши разбежались, отец со старшим в малахе сидит. Не слышно их. Известно, над малахитом несли не заплески и на разговор не тянет.

Сидит Митюха, обгачивает свои ягоди из купельского материала, а сам все о том же думает.

«Из какого бы вовсе дешового здепного камня такую же поделку гнать? Вдруг просунулась в окошко какая-то не то женщина, не то девочка, рука с кошельком на плече и в зарукаве, и ставит прямо на станок Митюхине большую платку змеинья, а на ней, как на подносе, соконица дождиком каплет».

Кинулся Митюха к окошку — нет никого, уацца пустехонкая, ровню никто и не прожжавала.

«Ох так-то! Шутки кто шутит, или навядение какое? Оглядела платку да соконицу и чуть не заскакала от радости: твоего материала возмоз выси, а сделать их него, видеть, можно, всяк со спорочкой выработ да постарайся!»

Став тут смывать, какая ягода больше подойдет, а сам на то место усталыся, где рука была. И вот опять она понивалась и кладет на станок резинку, а листок, а на нем три ягодные веточки: черемушкова, вишневая и спелого, спилого крыжовника.

Тут Митюха не удержался: на уаццу выскочка дознаться, кто это над ним шутки строит. Оглядела все — никого, как вымела. Время — сама жеруля. Кожу у эту пору на уацце быть?

Постояла, постояла, подошла к окошку, встал со станика Анстотеч с веточками и разглядывает ста. Ягоды настоящие живые, только то диво: откуда вишня вылезла? С черемушкой просто, крыжовнику тоже в господском саду довольно, а эта откуда, коим в наших краях такая ягода не растет, а будто сейчас только сорвана?

Поабовался так на вишню, а в-всех-таки крыжовник ей малае припосла и не мериловало, видно, больше подходит. Только подумал, рука-то его по палец и погладила:

«Молодец, дескать! Понимаешь дело? Тут уже самому ясно, чья это рука. Митюха в Полевой вырос, сколько-нибудь раз сальха по хоязюги горы. Вот он и подумал: «Кто бы она сама показавалась». Ну, не вышло. Показавала, видно, горбачьего парня расстревжит своей красотой, не показавалась.

...Митюха схватила баринскую палку за тонкий конец...

Знавала тут Митюха оком да змеиничком. Немало перебрала. Ну, выбрала и сделала со смежалкой. Попогела. Ягодки-то крыжовника сперва половинками обгочила, потом внутреню выемку надела да еще, где надо, жоабочки прошея, где опять узелочки оставил, склеил половинки да тогда их вынчит и оточил. Живые ягодки-то вышла. Анстотечки тоже тонко из змеинки выточил, а на корешок ухитрился колачки тонехонкие пристроить. Одним словом, сортова работа! В каждой ягоде ровню зернышки вышло и источил живые, даже маленкого с незлыми: на одном — дырки жучком будто проколочил, на другом — опять ржавые пятнышка припосла. Ну, как есть настоящие!

Давило с сыновьями хоть по другому камню работала, а тоже в этом деле понимала. И мать по камню работала. Все малахитовые не могут да митюхиному забаву... И то им диво, что из простого змеинку да дорожное соку такая штука вышла. Митя и самому либо. Ну, как работай? Тонкостки! Ежели кто понимает, конечно.

Из соку да змеинку Митя много-много делала. Семейно шибко помог. Куп-

ки, виднись, не обгаил этой поделке, как за настоящей камень платили, и покупатели в первую голову митюхино работу выискивали. Тут же выискивал Митюха, значит, и гнал ягоду. И Черемушку делал, а вишню, и спелый крыжовник, а первую веточку не продавала, себе оставила. Показавала дочкею одной, да все сумане браво.

Дочонки, виднись, не отозаривались от митюхино окошка. Он хоть горбачьей, но парень с разговором да выдумкой, и ремеслом, и талантом, и не скуной! Шарьича для буюк, бывало, горстью дава. Ну, дочонки хот-ног и побегут, а у этой чаше все задалеко находилась. Показавала дочкею забавности, как бы поиграть. Митюха и хотел отдать ей свою веточку, да все болоса: «Еще наемек дочкею поднимут, а то и сама за обиду погочет».

А то барин, из которого поворот жинки случилась, все еще на земле пытал да отдувался. В том году он донь свою провратал за какого-то там жинки ам купца и придал ей собирала. Показавалось прихвати и вдумала подкауживать. Митюху-то веточку он выдал и тоже, видно, поила, какая это штука. Вот и посылал он своих оластов¹ с наказом:

— Коим одевать не будет, отберите сном.

Тем что Дело привычное. Отгорбал у Митя веточку, припосла, а прихвати ее в баринку посылал. Как барин приехал в Полеву, прихвати сейчас:

— Получите, сделайте миалость, подарочек для невесты. Подходящая штука.

Барин поглядел, тоже похвалила сперва, потом и спрашивал:

— Из каких камней делано, и сколько камни стает?

Прихвати и отвечает:

— То вы извистителю: что из самого простого материала: из змеинку да палку.

Тут барин сразу захохот:

— Что? Как! Из палку? Моей дочке? Прихвати видит, неадожно выхолит, на мастера все поворочил!

— Это он, шамельно, мне поспунил, да еще надела четвергов с ледца, а то бы и разве поспеа!

Барин, знай, хриплет:

— Мастера тачил! Тачил мастера! Приволакам, понятию, Митюху, и, понимешь, узнал видь его барин.

— Это тот... в сапогах-то который...

С палкой ни Митюха кинулса:

Митюха сперва и понять не может, потом раскумекала и прямо говорит:

— Прихвати у меня самой отобрал, пусай он и отлучает.

Только с баринком какой разговор? Все свое хриплет:

— Я тебе покажу...

Потом схватила со стола веточку, как ей из под пальца хотеться. В паль, понятию, раздала.

Тут уж Митюхе, то живое вышло, затрясло тело. Оно и то сканье: кому полюбится, кому не полюбится, кому милому дамкам мясом раздвигат? Митюха схватила баринскую палку за тонкий конец да как хриплет невадлинном по алу, так барин из дом свой сел, гонимый змеинку.

И вот идя в комнату прихвати взял и прислугойню сколько хоцеша, а все как обменяли. Митюха вышло и купель довала. Ты и не думай, что выдумку ему и потом люди выдал. Кто понимавший, те узнавали же.

И еще змеиночка вышла. Та дочонка, которая зубом отбавилась от митюхино окошко, тоже потерялась, а тоже с концом.

Давило с сыновьями праживали, конечно, да, видя оброчу большое, покладела — отступила. А барин еще сколько-то задался, все-таки скорости его жиром задвинул.

¹ Сов, соконица — шала, котормн в старух за вдована посылал передо утавалява дороги.

² Одинок, одевать одеватьица подал, одеватьица подал — человек с палкой репутация, на-сильник, губитель.

Воздушная

Высадка воздушного десанта на маневрах Красной Армии.

Фото И. Шапкин.

I

«Пустыня и безлюдья ночью дороги, ведущая из маленького городка Норчестера на северозапад.
Луна спряталась за густыми туманами.
Что это?»

В неверном лучшем свете над землей колеблется полукруг. Парашют!

У опушки леса еще один.

Три человека, спустившиеся на парашютах с самолета, снимают летные костюмы. Но во французской форме. Французские солдаты в глубине Англии!

Они прыгнут все, без чего можно обойтись, берут кожаные сумки с взрывчатим веществом.

Через семь минут из Эксмистера должен прийти товарный поезд, потом 45 минут передрева, а затем скорый поезд.

Линия идет через реку по железному мосту длиной в пятнадцать метров.

Прошел товарный поезд. Как раз теперь, когда дорога каждая минута, выигнуд messi.

Но надо рисковать.

Она закладывает взрывчатые патроны у опорных стоек мостовых ферм, осторожно закапывают их и засыпают щебнем и землей.

Через двадцать восемь минут все готово. До поезда двадцать минут, но они должны еще успеть подготовить взрыв телеграфной мачты и провести подрывную кабель в лес.

На небе слышатся около-красные ракеты: это французские самолеты дают общий сигнал всем парашютно-диверсионным отрядам, высаженным в глубокий тыл.

«По всей стране противника раздаются глухие взрывы... В тучах каменной пыли и дыма рушатся мосты. Раздаются в цепочка телеграфные столбы, шпалы железнодорожных пу-

тей. Маскировка больше не нужна, теперь важно действовать с максимальной быстротой.

Пользуясь легкими пулеметами и автоматическими пистолетами, подрывные команды, закончив основную работу, совершают вальсы на пролетающие автомобили и мотоциклы, увлекательное общее занятие.

«Штат ждет донесений. Встревоженные в своих казармах войска ждут приказов штабов. Но все телеграфная сеть и некоторые важнейшие радиостанции приведены в негодность. Офицеры связи и патрули самолетчиков, пытающиеся проехать по дорогам, не возвращаются...»

— Позвольте, — спросит читатель. — Где и когда это происходило? И вообще было ли это на самом деле?

Расскаж этот — фантазия. Она принадлежит перу немецкого военного писателя Гельднера. Несколько лет назад Гельднер опубликовал роман, который называется «Воздушная война 1936 года». Автор пытался дать обзорную картину войны в Европе. Роман обогнал всю мировую прессу и вызвал огромное количество откликов. Военные публицисты Англии и Франции, эти «стратеги из кафе», тогда скептически улыбаясь, называли Гельднера фантазером, а его предсказания — «сумасшедшим бредом».

Легко острить, благодушно потагивая коктейли. Им знамен: «бред» очень скоро оказался действительностью. Размах и масштабы последней войны в Европе опередили не только полет фантазии писателя, но и терпение подчетчиков многих «реальных политиков».

II

Идея воздушных десантов, то есть использования самолетов для переброски войск в глубокий тыл противника, не нова. Она носилась в воздухе давно, со времени первой империалистической войны.

В 1911—1912 годах на Балканах вспыхнула турецко-болгарская война. Предприимчивый американец-авиатор Холт еще тогда несколько раз удачно высаживал болгарских агентов за линии турецкого фронта.

Во время первой империалистической войны воюющие страны на самолетах осаждали в тылу противника шиннои и диверсионнои.

В самом конце войны французский капитан Эрард получил задание «возврать миссону в Лейпу, в немецком тылу, на линия, по которой немцы подвозили к фронту людей и боеприпасы».

Глубокой ночью пять французских трехмоторных самолетов приземлились в немецком тылу. Помимо летчиков на этих машинах находилось 10 диверсионтов, снабженных легким оружием, изрядным количеством динамита, радиостанцией, телефонными аппаратами и прочими приборами. Но в момент посадки самолеты были обнаружены немецкими патрулями. Началась стрельба, во время которой

Колоссальный опыт Красной Армии был по-разному оценен различными странами. Англичане и французы, например, хотя и применяли воздушные десантные дивизии для подавления восставших племен в Ираке и Марокко, все же считали высадку с самолетов больших военных частей в густонаселенных местностях маловероятной. И только немцы и итальянцы, как это показывает опыт, поняли значение воздушных десантов.

Обычно каждая новая война рождает новые средства и новые способы борьбы. Воздушные десанты не являются новым средством: они появились задолго до нынешней войны в Европе. Но в массовых масштабах впервые они были применены германской армией весной 1940 года при операциях в Дании и Норвегии и позже на Западе — в Голландии, Бельгии и Франции.

В Дании и Норвегии воздушные десанты были высажены прямо на аэродром противника. Эта операция имела решающее значение для всего хода боевых действий. Аэродром захватывался по строго обдуманному плану. Аэродром в Осло был захвачен, например, немедленно после того, как норвежское правительство отвергло немецкие требования.

Транспортные самолеты с войсками подошли к аэродрому потерянными и быстро высаживали солдат, выгружая артиллерию, мотоциклы, боеприпасы. В это время самолеты охраняли, прикрываясь десант с воздуха, вели огонь по окрестностям аэродрома. Всей этой операцией руководил представитель «Люфтваффе» в Осло, оказавшийся полковником германской авиации. Он инструктировал прибывающее немецкое часте, направлял их боевые действия в районе, прилегающем к аэродрому. Это показывает, что десант в Норвегию был тщательно подготовлен и опирался на данные хорошо поставленной разведки.

Немецкий десант в Осло насчитывал 1500 солдат. Подобные десанты, частью на парашютах, а частью на самолетах, были высажены и в других местах. Немедленно после захвата аэродромом они оккупировали прилегающие районы, разрывали боевые операции.

10 мая тысячи немецких самолетов устремились к аэродромам Голландии, Бельгии, Франции. Бомбардировщики были подвергнуты важнейшей задаче, крупные железнодорожные узлы, пути сообщения. Около ста аэродромов одновременно оказалось под ударом германской авиации.

машины были повреждены. Летчики подожгли их и вместе с диверсантами скрылись в лесу. Всю ночь они кружили и летали, стараясь сбить поносно со сна. По пятам шли собаководы, от которых французы спали себя тем, что разбрасывали на своем пути порох.

Только через сутки добрался он до тоннеля. Но взрывать его не было смысла. Воска уже не по железной дороге, а по реке. Командир Элар решал тогда возвращать один из шлюзов.

Ночной туман стался над водой. Часовой у шлюза безмятежно спал в своей будке. Тихо, бесшумно подползли диверснты. Они закрепили в шлюзу подвешенные патроны, зажгли бензифорды штур и скрылись в ближайшем лесу. Через несколько минут страшный взрыв потряс землю и воздух. Переходы немцами восточных частей были дезорганизованы. Восстановить шлюз удалось только после войны.

С большими приложениями десантной группе удалось вернуться на родную черту фронт нападению перерыва.

Самолеты тех времен были несовершенными и малочисленными. Они не могли поднимать в воздух много людей и больше груза. Посадка в тесноте противника — ночью, на незнакомых площадках — была делом трудным, требовавшим огромного опыта и большого риска. Начались поиски новых, более удобных способов высадки агентов.

В конце войны были сделаны попытки использовать для этой цели парашюты.

Но воздушных десантов, в современном понимании этого слова, операций, рассчитанных на высадку крупных войсковых соединений в тылах противника, тогда еще не было.

III

После войны 1914—1918 годов стремительно развивалась авиация, колоссально возросла грузоподъемность самолетов. Тогда-то военные специалисты начали решать проблему широкого применения воздушных десантов.

Военный лексикон обогатился новым термином — «воздушная пехота». Штабы и армии иностранных государств начали создавать новые виды войск — парашютно-десантные часты. С точки зрения военного искусства, наиболее выгодным маневром во все времена считался обход флангов противника с последующим полным его окружением.

Но это требует много времени, колоссального напряжения и большой ударной силы для прорыва фронта.

Зарубежные военные стратеги и теоретики, опираясь на все возрастающую роль авиационной техники и на ее возможности, выдвинули тогда идею нового военного маневра — «вертикального окружения». В основе этой идеи лежала неожиданная переброска войск по воздуху в тыл противника и последующий за этим сокрушительный удар (совместно с наземными войсками) по его войсковым объектам и жизненным центрам.

Вполне естественно, что Красная Армия, передавая

революционная армия, обладающая мощным воздушным флотом, являлась пионером теоретической и практической разработки вопроса о воздушных десантах.

Десять лет назад — 26 июля 1930 года — в Воронеже с аэродрома поднялся монгоместный самолет устаревшей конструкции. Он был очень стар и потресан, этот «Фарман-Гольфар». Летчики добродушно прозвали его «аэродуши Гольфаром». На борту «воздушного старика» находилось двенадцать командиров Красной Армии — двенадцать будущих инструкторов парашютно-десантной службы.

Команду возглавлял военный летчик Минов. Он только что вернулся из Америки, где в деталях изучил парашютное дело. В заранее определенном пункте двенадцать парашютов сели на другтм покинули машину. Это был первый советский воздушный десант. Он подождал начало широкого боевого применения самолетов и парашютов для воздушно-десантных операций Красной Армии.

Парашютный десант был сразу же по достоинству оценен нашими полководцами, как новое и очень грозное боевое средство.

«Батальон в тылу стоит дивизия с фронта», — утверждали наши военные теоретики.

Теория у нас неразрывна с практикой. На полях учений и больших маневров Красной Армии «воздушная пехота» стала непременной участницей широко задуманных военных операций.

На маневрах в 1935 году в Киевском, а в 1936 году и в Белорусском военных округах на парашютах и самолетах были высажены большие войсковые соединения — несколько тысяч вооруженных бойцов. Массовый характер этих десантов, их мощь и то искусство, с которым они выполняли задачу, привели к изумлению иностранных военных делегации, наблюдавшие маневры.

Уже тогда, 5—6 лет назад, парашютизм в Советском Союзе был одним из массовых и наиболее популярных видов спорта. Советские парашютисты завоевали в то время все мировые рекорды высотных и затяжных прыжков с самолета и прочно удерживают эти рекорды до сих пор. Все это позволяло маршалу Советского Союза тов. Ворошилову на Первом все-

«Воздушная пехота» отряжена собою (маневры Красной Армии).

Фото В. Иванникова.

ИЗ ИСТОРИИ ПАРАШЮТНОГО СПОРТА

Полет был заметной меткой великого ученого и художника Леонардо да-Винчи. Он наблюдал за парением птиц и зарисовывал их распластавшиеся крылья. Леонардо да-Винчи принадлежит идея парашюта.

«Если человек возьмет полотняный атлантический купол, каждая сторона которого имеет двадцать лосей ширины и который будет иметь двенадцать лосей высоты, он может сброситься с любой высоты без тревоги об опасности», — так писал Леонардо да-Винчи в 1495 году.

На рисунке слева парашют, сделанный Леонардо да-Винчи.

Через 100 лет после смерти Леонардо да-Винчи инженер Фауст Верачини построил примитивный четырехугольный парашют и на нем в 1617 году в Венеции совершил первый в истории человечества парашютный прыжок с крыши невысокой башни.

Со шпильки обсерватории в Монпелье, во Франции, 166 лет спустя спрыгнул с парашютом француз Леонард.

2 марта 1784 года на Марсовом поле, в Париже, французский арвант Блانشар совершил полет на воздушном шаре, снабженном аэрион-парашютом.

На рисунке полет Блانشара.

В шарской России парашют применялся только в воздухоплавании, на привязных аэроста-тах.

Широко признание парашют получил только в Красном Воздушном Флоте. Мирные рекорды прыжка с самолета принадлежат советским парашютистам.

Пионером и одним из организаторов советского парашютизма был военный летчик Манюк, которого правительство наградило орденом Ленина.

На снимке мастер советского парашютизма и парашютизма Л. Г. Манюк.

Стремясь как можно скорее захватить голландское побережье и важнейшие стратегические пункты внутри Голландии и Бельгии, германские командование более чем в 25 местах выбросило парашютные десанты. Только за один день — 10 мая — в одной Голландии опустилось 12 тысяч парашютистов. На обширной территории, охватывающей почти всю западную часть Нидерландов, отряды немецких парашютистов заняли десанты аэродромов и посадочных площадок. Тотчас же туда устремились немецкие транспортные самолеты, доставившие бойцов, танки, артиллерию, мотоциклы, пулеметы. Немецкие парашютисты части дезорганизовали тыл голландской армии и принудили ее действовать на два фронта.

Операции по выброске десантов в Голландии и Бельгии не прекращались и в последующие дни. В районах действия десантов немцы регулярно переправляли по воздуху продовольствие, оружие и продовольственные немцы-парашютисты захватили тогда крупный железнодорожный мост через реку Маас, по которому впоследствии переправлялись германские моторизованные части. Аэродром Роттердама, занятый парашютистами, так и остался в руках германских войск до конца операций в Голландии.

В Бельгии парашютно-десантные войска, высаживаемые в районе Брюсселя, у канала Альберта и непосредственно в полосу приграничных бельгийских укреплений, также оказали большую помощь наступавшим германским войскам.

Немецкие парашютисты, существовавшие возле форта Эбен-Эмаль и бельгийской крепости Гибж, высаживались у казематов. Направив в амбразуры форта осметы и пулеметы, забросав укрепления гранатами, немцы уничтожили, выжгли гарнизон и открыли своим войскам ворота в бельгийскую крепость.

Операции эти проносили громадное впечатление во всем мире.

V

Боец «воздушной пехоты» должен быть прежде всего волевым и всесторонне подготовленным в военном отношении человеком. «Воздушная пехота» действует молниеносно. Поэтому от бойца требуются и быстрая оценка обстановки и смелое решение.

Германия долго и тщательно занималась подготовкой и обучением своих воздушно-десантных войск. В «воздушной пехоте» немцы принимают главным образом добровольцев, холостяков в возрасте от 17 до 23 лет. Специальные школы обучают их парашютизму, меткой стрельбе из всех видов автоматического оружия, топографии, саперному и под-

рывному делу, технике связи. Много внимания уделяется воспитанию воли и других качеств, необходимых для самостоятельных действий. Из этой молодежи были созданы полки и дивизии бойцов «воздушной пехоты», натренированных в полетах, парашютных прыжках днем и ночью и учебных действиях в тылу противника.

Для переброски этих частей немцы применяют преимущественно самолеты типа «Юнкерс-52». Каждый из них может поднять до 45 вооруженных бойцов, снабженных оружием, радиопередатчик, воздушно-десантные шкафы. Транспортные самолеты перевозят также боеприпасы и продовольствие. Под самолетами подвешиваются пушки, танки, автомашины.

По способам боевого применения воздушные десанты могут быть парашютными, посадочными и комбинированными; комбинированный десант обычно состоит из двух эшелонов.

Первый эшелон — парашютный. Он должен внезапно захватить определенный район и подготовить посадку транспортных самолетов. Называется он эшелоном захвата.

Второй эшелон — посадочный. Он высаживается с транспортных самолетов и представляет собой главные силы воздушного десанта.

Как это покажется странным, районы высадки немецких десантов были заранее изучены разведкой, сфотографированы. Прежде чем спустить в тыл противника свои части, германские воздушные силы подвешивали вражескую авиацию. Большое количествостребителей сопровождало и прикрывало десант.

Без господства в воздухе, внезапности и тесной согласованности с планом действий наземных войск операция воздушно-десантных частей не имела бы успеха.

Красная Армия внимательно и пристально изучает опыт современной войны. Военно-техническая сила Советского Союза растет и крепнет с каждым днем. Для борьбы с врагом мы широко можем использовать «воздушную пехоту». Для этого у нас есть все необходимое: могучая сталинская авиация, хорошо оснащенная боевая техника и бесстрашно преданные родные, самоотверженные воздушные бойцы.

Совсем недавно, например, Красная Армия применила воздушные десанты при занятии Бессарабии и Северной части Буковины.

Обогнав по воздуху отходящие румынские войска, бойцы красной «воздушной пехоты» авиан города Рени и Болград, взяли под свой контроль перевалы через реки Прут и Дунай и помешали румынам увести на свою территорию население освобожденных районов и захватить народное имущество.

Война в Европе. Норвегия. Только что приземлились самолеты «Юнкерс-52», прибыли немецкие мотоциклетные части.

Птицы

(Стихи о детстве Ильича)

За старым домом
Сад зашел фруктовым.
Весна проходит, зелень разбросал.
В речных долинах
Яркобирзовым
Лежит покров едва проросших трав.
Стоили дни
Возветреным и влажным.
Давно на север отступил мороз.
Володя прибежал домой однажды
И много клеток с птицами принес.
Здесь было столько птиц разноголосых:
Грачей чумазых,
Маленьких синих.
И кто бы смог догадаться из взрослых,
На что Володя столько разных птиц.
А он поставил клетки,
И за ними
Затворил клеток настежь открывал,
И радостно кричал родным: «Смотрите!
Я бедным павлинкам свободу дал!»
И птицам улетали,
Прямо к жолу.
Расправив крылья,
В воздухе паря,
Летали прочь,
Летали на свободу,
По-птичьему его благодари...

Юрий ХОВКИН.

ученик 10-го класса 32-й школы,
Фрунзенского района.

Ленинград.

Ночная гроза

Над черным железом некрашенных крыш,
Над домом, потожим на ящик,
Тяжелые перья роняя с крыл,
Распаластся призрак негражданин.

Деревья, сгибаясь, на землю легли,
Стоял и забормотался,
В смитенной каменной, череповом и гани
Шла ночь по сумятице улиц.

А крылья все живые. В черенной мгле
Удушье, как резное, повисло над кры-
шами,
Вдруг молнии — прямо в лицо земле,
И грома рывочные крышны ухмылки.

И крылья взлетели. Древучим потоком
Ударил в землю гуды,
И брызнула кляма холодного пота,
Холодные капли дожди.

И молнии рвали колашевое небо,
И лопались тьмы небосе,
И ливень хлещет, как стремительный гре-
бень.

Куртины, кустарник и лес.

И снова взмывали и падали снова,
Распалестные вилеты,
Из дымного ноба, из мрака густого
Чубатые банды туч.

Раскескала широкие молнии тьма
И кивались тяжелой и твердой внощунь,
И чутуньями клямы слеплялись грома,
И секунда вага вращала косматые
рощи,
И громувая ртуть облаков распаластся,
гремя...

В. МАРЧИХИН.

Латвия

ТАК ЖИЛИ ЛАТВИЙСКИЕ РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ

Латвия — страна аграрная: 60 процентов жителей разводит скот и обрабатывают землю. Но до последнего времени 76 процентов всей земли находились в руках помещиков и кулаков.

Кудакам принадлежало около двух третей всего рабочего скота и 85 процентов сельскохозяйственного инвентаря. По 3—4 лошади, 10—12 коров имело каждое кулацкое хозяйство.

В то же время 34 тысячи крестьянских хозяйств в буржуазной Латвии были безлошадными, а 17 тысяч хо-

зяйства не могли купить ни коровы, ни лошади.

Около 300 тысяч крестьян не имело земли. Куда оставалось им идти? В батраки? На завод? За 16—18-часовой рабочий день батракам платили жалкие гроши. Не лучше было и на заводе. Гонясь за прибылью, капиталисты стремились использовать труд женщин, которым платили вдвое меньше чем мужчинам. Условия работы были ужасны. В иные годы количество несчастных случаев на предприятиях доходило до 50 тысяч.

Эстония

ЗЕМЛЯ — НАРОДУ!

В Эстонии 70 процентов населения занимается земледелием и животноводством. В стране было 138 948 сельских хозяйств; на каждое из них приходилось в среднем по 2,7 гектара земли. Больше чем по 100 гектаров земли имели лишь 422 хозяйства.

Государство, банк, помещики числились за крестьянами 142 400 тысяч крон долгу. Расплатиться с таким непосильными поборами крестьяне

не могли, и их имущество продавалось с торгов.

Помещики владели 99 916 гектарами земли, на ней работало 66 315 батраков.

15 тысяч эстонских крестьян не имели ни земли, ни работы.

23 июля 1940 года земля в Эстонии объявлена всенародным достоянием.

— Молокосос! — заревел Безумек. — Сию же минуту ступай сюда!

* * *

Лиза, стройная девочка, с лицом испещренным рубчиками оспины, была единственным человеческим существом, которое Ян мог выносить. Крепкий румяный мальчик, его каштановые спутанные волосы и упрямый блеск в глазах, с первого же дня понравились этой прекрасной бедняжке с жидкими волосами цвета соломки. В самом начале их знакомства Ян был груб по отношению к девочке, так же как и в обращении со всеми прочими людьми, но когда оказалось, что она безропотно переносит все причиняемые им обиды и лишь горько плачет, если они доведут ее слезам, мальчишка постепенно изменился, и неакосовость его исчезла. Значительную роль в этой перемене сыграл следующий случай.

В пору сева Ян и Лиза иногда выходили на пахотные повороты. В один из дней, когда стадо пас Ян, случилось, что две коровы незаметно для него отбыли от стада и забрели в рожь. Причиной поворотный убьют. Узнав об этом, Крикум возгоразд справедливим гневом и осведомился, по чьей небрежности это могло произойти. Ян не успел еще сообразить, что ответить, как раздался голос Лизы:

— Я виновата. Заснула с утра, а коровы и забрели в рожь.

— Ты лезивая, солнышка и распушеченная дочонка! — взорал разозленный хозяин.

Мудрая Крикумиха сделала попытку унять его.

— Не кричи! Этим ты ничего не исправишь, — сказала она и, обращаясь к девочке, продолжала: — Не бойся, дитя! Такая вещь может случиться со всеми. Во

времена уборки хлеба твою мать отработает причиненный убьют.

Этим дело и кончилось.

— Почему ты приняла вину на себя? — спросил Ян, оставшись наедине с Лизой. — Убьют должен был возместить я.

— Конечно, ты, — ответила девочка.

— Тебе пришлось бы возместить его вторично да еще выкупить проповедь подлинной той, которую произнесит пастор с амвона.

— А мне что? — заявила Ян. — Собака авет, ветер носит.

— Но он поступил бы несправедливо с тобой. Разве он поверил бы, что ты сделала это не нарочно? Никогда. А я не выношу, когда тебя считают хуже, чем ты есть.

Полный благодарности взгляд явился вознаграждением за эти слова. С этих пор началось их дружба, ставшая всемирно с течением времени все теплее и сердечнее.

* * *

Подходило лето. Луга одесали яркой зеленью, красная земляника завалала подкустами и по краям канав, все дышало полнотой жизни. Погода стояла солнечная, ирредка выбрета освежающий дождь. Ян и Лиза были довольны своей жизнью. Говорили они мало, но часто сидели рядышком девочка занималась вязанием чулок, а мальчишка мастерил дошки либо еще что-нибудь, собачонка Кован дразнила, растущий у их ног. Лиза больше всего любила дообеденную пору. Пока коровы и овцы паслись на росистой траве, Лиза и Ян могли почитать, смеяться друг друга. Ложась отыкаться, Ян всегда клал голову девочке на колени, и она могла без конца смотреть в дорожке ей лицо. Лиза часто думала о том, откуда брались бешеные припадки ярости, совершенно не

вызавшиеся с мягким и спокойным выражением этого лица во сне. О, почему она не в состоянии изменить его натуру, исправить Яна!

Бромячям у нее являлась жалкая пощадность его; тогда девочка тихонько наклонялась к его лицу и касалась его розовых губ своими — тихо-тихо, чтоб он не услышал. Однако Ян все же ощущал это легкое прикосновение, и однажды, когда девочка запечатала пошелая у его губах, мальчишка открыла глаза и взглянула на нее, счастливо улыбаясь.

— Пошедай меня еще раз, Лиза! — сказала она.

* * *

Шел дождь, заставлявший многих досадливо морщиться, так как был безвременный день. Большевик был покрыт жидкой грязью, промоченные дорожки вконец изъезжены. Ян выгнала скотину один: Лизу мать взяла с собой на базар. Он сидел волею дороги и уныло глядел на мутные лужи, в которых с таким ласковым падая дождевые капли.

Справа показавшаяся подвода, и Ян поднял равнодушные глаза. На подводе сидел Безумник, председатель волостного суда, потиравший уши с базара. Он казался сильно подвыпившим и беспечною коалит измученную лошадеку. Лошаденка остановилась у мостика, неподдавая от Лизы. Когда удары участившихся животных, бросивших вперед, сдвинуло скачок в сторону, причем одно колено сорвалось с мостика. Накренувшись вбок, толмач погнался на несколько минут, а затем свалился в канаву, до половины непокрытую водой.

Ошеломленный неожиданным падением, Безумник на подвала некоторое время никаких признаков жизни. Затем он выка-

рыбака и пришлось считать кнутовищем с пилкажа облезшую его грязь, оглядывая во все стороны, словно дожидаясь отдуван-индуба помощи.

— Ага, — прошептал он заплетающимся языком, заметив Яна. — Ты мне понадобишься. Сегодня дьявольски скверная погода. Ну, постои, скотина, уж прошу же я тебя... Чего ты еще стоишь? Беги к Пономарьнички, нарешь! Сейчас же ступай сюда!

— Пошелвайайса сам!.. Мне что? Хотя бы ты лопнула, с места не сойти! — ответил Ян, сплывисто ступая на спичку руки и широко расставив ноги.

— Сейчас же ступай сюда, говорит тебе! — побарывов от ярости, зарывча Безумник. — Как ты смеешь так дерзко говорить со мной? А?

— Ори, сколько алетет, — пренебрежительно сказала Ян. — Только продолжайте: если ты лопнешь, то я тебя спихну на стая, я не лопну!

— Молокосе! — зарева Безумник. — Затиши свою поганую глотку! Сию же минуту ступай сюда!

— Сам заткну глотку, судья неправедный!

— Что-о? —

Безумник победил с мальчишке со всей скоростью, какову позволяла его заплетавшиеся ноги, и усталости на него загоревшиеся глазами.

— Ну? — спросила Ян. — Думаешь, я никогда раньше не видел? Фу, как от тебя воняет... точно от боночка с сауку! Тут перед глазами Яна свернула огненная ягода, голову пронизав колючая боль, и он, свистящий обоем руками, за выски, зашатался и грохнулся окровавленным лицом в грязь.

Безумник спокойно вытирает лопашь и пошел ее по границе своей домы.

Шан дни и несдан, токсичные дни и несдан. Ян долго пролежала в постели и когда оказалась в состоянии снова приступить за работу, у него осталась только одна галаз: другой была выбит Безумником.

У Лизы было еще ощущение, словно она сама потеряла глаз. Девочку охватывала дрожь ужаса всякий раз, когда она выисла прутья выданку под крышами острочной бровью. Обоем руками, полуслепым — о, как грустно и странно! А стошь привлекательнее прежде лицо — как-ким безобразным стало оно теперь!

Ян не жаловался и никогда не разговоривал с Лизой о происшедшем, однако молчание его говорило девочке больше чем слов.

Однажды, когда они как раньше сидели рыдником на пастбище, девочка затряхнула олин свой глаз рукой и застала в мигновение в таком положении. Ослепленная неожиданной протест, она крикнула:

— Дьяво, чудовище, убить его мало! Неужели ты так и оставишь это, Ян? Разве можно еще оставить его тут, оставить ему? Или мне придется сделать это вместо тебя? Чего ты хочешь: чтобы я выдрала у него глаза или зарезала его? Я готова задумать его злыми руками — так, вот так...

И девочка жестами показала, как она будет дуться.

— Нет, — сказала Ян, — ты ничего не должна предпринимать, ведь он ничего не сделал тебе. Я отомщу ему сам, положила немного.

— Что ты едешь с ним? — спросила девочка.

— Сейчас я ничего не скажу. И Лиза стала жать.

Крикунка тем временем без устали раскачивала всем телом и кулачком, как справедливо поступила рослод, поквар безбожного мальчишка.

Настала осень. Окрасившие в красный, коричневый и желтый цвета листья деревьев металась как птицы на расклевываемых ветром ветках. Поля отпустили, сплю с лугов давно уже было снесено в сараи как солома и через два часа ночью заморозки. Скотину перестали выгонять на пастбище.

Однажды ночью обитатели усадьбы Безумника были разбужены треском и залалом гари. Обширный сарай, в котором хранился почти весь запас сена, пылала как костер. О спящих его никто не знал и думать. Оставалось только принять меры, чтобы пламя не перекинулось на другие строения: ветер раскидал во все стороны искры горящего сена.

Безумник кричал от ярости. Не могло быть сомнений, что сарай подожжен рукой злоумышленника. Кто мог совершить этот злоумышленник? Остановить подожженного на определенном миде было трудно, так как преодолеть судя уже по року своей деятельности имела множество путей...

На следующий день батрак Крикумов, единственный на мельницу, принес потрясающую новость о совершившемся злому несчастье.

— Сорел большая сеной сарай Безумник, — возвестил он, садясь за облезлый стол, вокруг которого собрались все домашние.

Крикунка, с душевной болью следившая, как исчезала в глотке Яна воссозданный кусок, заметила, что мальчишка вздрогнул, покраснел и уронила под стол картофелю.

— Боже мой! — воскликнула она из работнич. — Сорел? Как это могло случиться? По неосторожности? Или, может быть, из-за обоем руками?

— Цыгане! — возразила батрак. — С какой стати они ступают поджигать сарай? По-моему, это сделала кто-индуб, пожалевший отомстить Безумнику. Да и все так думают.

— Твоя правда, Андя! — подтвердила хозяйка, вытирая слезы углом пердника. — У брата столько недоброработал! И у нас в доме имеется такой. Но как ян, Ян? — добавила она, обращаясь к мальчишке. — Ты, верно, от всей души радуешься, что случилось с Безумником?

— Ну, плакать-то я, во всяком случае, не стану; в этом можете быть уверены, хозяйка! — насмешливо ответил Ян. — Для этого у меня слишком мало глаз на Абу. Абу, Андя, иди, поверни мне точю! — с этими словами он закрыл свой складной нож, вынул шпатель и вышел.

— Постой ты меня, поджигатель! — проворчала хозяйка, ни к кому не обращаясь.

— Как ты можешь работать этой косяк? — после долгого молчания спросила девочка, сосредоточенно вертя ручку топора. — Ведь она коротка, как нож.

— Квова трава, такова кося, — сказала Ян. — Вместо травы мне приходится косять сено. Приходи поможе убирать сено; мне нужно кое-что сказать тебе.

«Я и так все знаю», — подумала Лиза. Ян ушел.

Вечером после этого приеха Безумник рассказав сестре о подробностях пожара и посоветовался. Крикунка немедленно уехала его на хозяйскую половину и застала его спящим на кулаке.

— Я знаю, для чего ты приеха, — сказала потрясенная хозяйка. — Прошлое злое сожгли сарай, и сжег его наш Ян. Он не виноват в сорной траве.

Безумник вступилась.

— Да, да, дело обстоит именно так, — продолжала сестра, покрывая склизное

кивком головой, и раскисала о том, что произошло за обедом.

— Тебе следовало бы самому допросить его, Сейчас он как раз на ауку сидит, не стоишь еще встать? Ты как отгугливаешь. Отвечая на твою вопрос, он быстро спутывается и проговорится.

— Совершенно верно. Но разве выла ты думать, что не ночевала прошлую ночь дома? — заметил Безумник. — Это самое главное.

— К сожалению, никто не видел. Но умайю, если никто не может служить, кто бы то, что он несомненно на холода продолжает ночевать на сеновале.

Безумник побежала на аул. У него уже не было сомнения, что так только Ян мог поджечь его сарай.

— Ну, смолчок, — заговорила он, подходя к мальчишке, который складывал скошенное сено в коулу. — Ты как-то весьма усердно. Хорошо ли выспался в прошлую ночь? Доброе утро!

— Доброе утро! Вагацаря, я-то постыл издалю, а вы как? — спросила Ян, стараясь говорить тоном Безумника и не прерывая работы.

Одино судья свернула термометрострым. Однако стараясь и сплывисто сказала: — Я провела несколько ночей: сорела мой большой сеной сарай... и вдруг шлоуно привидевшись к Яну, жмел плачущим глаза мальчишке и дораскал его тогда в черных пиджаке, крипаю прощентала: — И сделала это ты, парен!

Одно мгновение казалось, что Ян был готов выскочить из коулы, чтобы ударить усмале, но выпрямился и грубо крикнул:

— Как ты смеешь подговаривать меня, Безумник? Опломуха ты, что ль, или совсем дура? —

— Смотри, парен! — зарева, выходя из себя, Безумник. — Сию же минутой ты еж-жиди мне все ян и растежжиди тоби-и, но изю же ян и растежжиди тоби-и, но изю же ян и растежжиди тоби-и.

— Емля тебе только и нужно, чтобы я сказал, так слушаю: это сделала я! — произнес Ян.

Паренитесь невниманием прокатником, Безумник отпустила пачку мальчишке. Но затем с яростью зверя он снова двинулся на него и, схватив за горло, стоа дуться. Начекаясь, что мальчишка Ян ударит, ударившись в ступени, вырваться из схвативших его коулей; он с бешеным вошлза зубья в палец Безумника и ударила его кулаком по Ану.

С губ мальчишке сорвался подавляющий крик. Угнетенные обоем руками в землю, он сделал слабую попытку подлаться, но беснательно опрокинулся назавит, повторив сознание. Телом крова струсилась, а его спички он ушла на асезе кося, неосторожно брошенной острем шпорку.

Оценев ее несознательности, Безумник усталый встал, вынул из коулы два палеца и начал выисывать жертву. Затем, охвативший внезапно нахлынувшим страхом и бле собираясь, что дается, он бросился бежать по направлению к Абу. Но когда он еще издали увидела Яна, асказшего без признаков жизни на земле. Могла девочка пронизала предчувствие чего-то ужасного. Она ускорилась шаг и, выисываясь, оказалась рядом с мальчишкой. И тут же она стремительно всколпала на ноги, сорвала с головы пачочек и бросилась с ним к ближайшей кувале. Могрый палец она приложила к голове Яна.

Немного погодя справедливым глаз мальчишка открылась.

— Безумник! — То было единственное слово, которое сумела выдвинуть из себя Лиза внезапно окрикнув голосом.

— Ян заморгал ресницами.

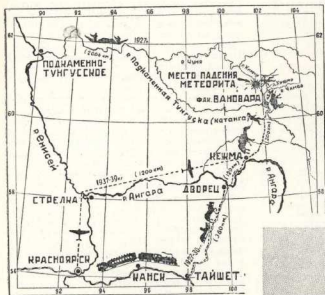
— Боже мой, боже мой! Откуда он ушел? —

— Я сам... ему... сказала... Чтоби... по-звать... его... Но... это неправда. Ян сарай... не поджигал.

На следующее воскресенье Яна хоронили.

(Перевод с литовского.)

«ЧУДО» у реки ХУШМО

На этой карте показано, какими путями добралась экспедиция Л. А. Кулика к месту падения метеорита.

Утро было безоблачное, ясное. Несмотря на ранний час солнце сильно припекало. Веяло безмятежным покоем. И вдруг по небу, с юга на север, с молниеносной быстротой пронесся огненный шар. Его светом озарились прилегающие селенья. Лесовые участки приречья, почти весь Туруханский край и смежная часть Якутии. Раздался оглушительный грохот.

На перегоне близ Канска машинист, принявший грохочущие раскаты за взрывы в одном из вагонов, остановил поезд. Но многие пассажиры видели падающий огненный шар и выбежали из вагонов, чтобы найти его. Им казалось, что он лежит где-то возле железнодорожного полотна. Жители ближайших сел тоже кланиво уверяли, что он свалился в ящик «за окнами», «в верете—другой», «за рощей».

На самом деле огненный шар—а это был метеорит—улетел за много сотен километров к северу от тех мест, где его искали. Грохот, сопровождающий всегда падение метеорита, слышен обычно на расстоянии пятидесяти—шестьдесяти километров. На этот раз страшный

гром слышали гораздо дальше. В двухстах с лишним километрах, в Кеэме на Ангаре, ослухившие люди металась, вывали в обморок. А совсем близко от места падения, километрах в пятидесяти, людей и животных подбрасывало в воздух, опрокидывало тяжелые жилища—чумы. В последних железные заборы тяжелых амбаров дробей лопались как тонкие ивтики. Стало овец, которое паслось у реки Ангары, было сброшено с острова в воду.

Необыкновенные события этого дня продолжались и вечером. С наступлением сумерек

Ученый секретарь Комитета по метеоритам Академии наук СССР Л. А. Кулик.

зеть. Тогда никто и не предполагал, что эти красивые облака образовались из мельчайшей пыли метеорита, упавшего в далекой сибирской глуши.

2

Невидимо для нас, в мировом пространстве, иногда целыми потоками, носятся мелкие и мельчайшие космические тела. Они странствуют в одиночку, группами и роями. Одни из них остаются в пределах солнечной системы и движутся по эллиптическим орбитам, то проходя вблизи Солнца, то удаляясь от него. Другие, обогнув Солнца, снова исчезают в межзвездном пространстве. Третьи попадают в пределы земной атмосферы. Они влетают в нее с огромной скоростью (несколько десятков километров в секунду) и вызывают ряд физических явлений. На большой высоте они как бы вспыхивают, потому что воздух, сжатый движением метеорита с такой скоростью, оказывает ему огромное сопротивление. Воздух раскаляется, как раскаляются и мельчайшие частицы, срываемые непрерывно с поверхности метеорита. Эти частицы, превращенные в газ и тончайшую пыль, остаются в своем движении от метеорита и образуют иногда видный некоторое время след позади него. Такие физические явления падающей звезды и огненного шара и носят в науке название метеора и болида.

В межпланетном пространстве царствует абсолютное безмолвие: там нет среды, способствующей появлению звука. Когда же метеорные тела попадают в земные воздушные слои, они вызывают своим движением не только световые явления, но и шум. Воздух многократно заполняет разреженное пространство,

Экспедиция приближается к берегам реки Подкамennая Тунгуска (1939 год).

высоко в небе появлялись логчайшие серебристо-белые облака необыкновенной яркости. Эти феерические явления привлекали жителей Западной Сибири, Урала, Крыма, Германии и Англии. Облака светились, и при этом свете даже в Крыму можно было читать га-

В 6—7 километрах от места падения метеорита. Могучим ухангом повстали огромные деревья.

Через таежные дебри к метеориту... Вперед экспедиции самый юный ее участник ученик Кеэемской школы Гоша Панов.

образующееся за десятки тысяч лет. При этом слышатся то будто ураган грома, то словно грохот пушек, то пулеметный треск.

Так как во время полета поверхность метеоритов от трения о воздух сильно разогревается, то накаляются. Былалн случал, когда они падали на землю мерзлыми. Однажды в Скандинавии небольшой метеорит упал прямо в корыто с белым. Показавшись коммюда, убедились, что белое не только не сожжено, но на белой материи не осталось даже язычких следов. В другом случае к только что упавшему метеориту привели термометр, который показал температуру, равную +50°С.

Конечно, не все метеориты спокойно лежат в корыто с белым или так измнрять себе температуру. Показавшись коммюда, часто, может быть раз в тысячу лет, но все же Земле приходится встречаться и с метеоритами-гигантами, опустошающими все вокруг себя на целые тысячи километров, метеориты, которые падают на Землю с огромной скоростью. В момент падения, при соприкосновении его с землей, эта скорость внезапно оборвалась. Мощная энергия движения превратилась в энергию тепла. За счет вещества почвы и частично за счет вещества самого метеорита образовались высокотемпературные глыбы. Они-то и обожжены все вокруг на расстоянии 15—20 километров.

3

Но вот свидетели редкого явления, которых так испугал огненный шар, салшавшийся с неба, вернулись к своим делам и постепенно стали забывать о том, что видели.

И, кто знает, может быть, событие, происшедшее в 1908 году в Сибири, было бы предано забвению, если бы Леонид Алексеевич Кулик не пошел в руки с газетой и старай листок отрывного календаря, привоидший отрывок из газетной статьи о падении сибирского метеорита. Сотрудник Академии наук Л. А. Кулик, уже много лет собиравший материалы о падениях и находках метеоритов, ничего не знал о необычайном огненном шаре, который пронесся над Сибирью. Старый листок заставил призадуматься. Не легенда ли это? Не вымысел ли суверенных таскиан жителей? Нет, пожалуй, не легенда, не вымысел. Залес, в календаре, приводился рассказ тех самых пассажиров, которые, высиживая на вагонах, бросались искать упавший, как им казалось, воле железнодорожного полотна огненный шар. Этот рассказ очевидца и заставил Кулика задаться поисками достоверных данных о падении метеорита.

Через несколько месяцев с помощью государства была снаряжена первая в истории палея метеоритов экспедиция. Возглавлял ее Л. А. Кулик. Он отправился по следу, указанному листком календаря. Но под Калским метеорита не оказалось.

Эта неудача не разочаровала Кулика. Под Калским метеорита, указав, о чем он писал в другом месте. Искать неудачно и неуместно, отослав множество вздорных расказов, превратиться в слепотца, преобладать такция иррадии, представлять лес, по выгодам, — сотенная невзгод и лишней, но не останавливаться на полпути...

Кулик вернулся в Ленинград не с пустыми руками. Собиравшие указания, о чем он писал в другом месте старых сибирских газет убедили его, что метеорит упал много севернее, в дикой местности, где, по словам ковчешков, была била по-оду. Представив лес, по выгодам, — сотенная невзгод и лишней, но не останавливаться на полпути...

Но Сибирь велика. Гигантский метеорит для нее — то же, что нечелюва, упавшая на лужайку, и поиски его были бы практически невозможны, если бы «небесный гость» не

срастался на приборах физических обсерваторий в своем помылении, если бы не остались в сибирских лесах следы его бесчестия.

Но эти следы пошла уже вторая экспедиция Л. А. Кулика. Тогда-то и удалось обнаружить उसे картину событий, размышляющихся много лет назад в глухой тайге.

4

Ранней весной 1927 года Леонид Алексеевич Кулик был уже на далекой фактории Ванозара, в 700 километрах от Сибирской желез-

На снение вы видите звание Буручу.

В этот день, 22 года спустя, что она упала 30 июня 1908 года метеорит-гигант.

В этот день старик-ивнн был вместе с двумя сыновьями на несомом расстоянии километром от дома. То он отогнулся, то двн настил саватый, но всяким случае, только благодаря случайному стечению обстоятельств не было бы на языке и момент катастрофы.

Восланные ярким светом, оглушительным грохотом, ирвнн долго не могли прийти к себе, долго окутывали туманом и себе домой, чтобы увидеть, не лио ли искусство. Она застыла картину шовного разрушения. Тайга исчезла, было сожжено, земля стала черной, странной и чудной.

Оставив это мрачное место, семья Буручу переехала в Ванозару в июне 1930 года) звание Буручу — сам уже немалодолгой человек — снова оказался там, где стоял календар отрывной. Буручу привал свой судан ирвннский с'езо для того, чтобы оиведил рассказ участникам метеоритной экспедиции, что здесь произошло в ту же самую

дню дороги. Здесь он договорился с двумя проводниками-ивннами и вместе с ними отправился на поиски метеорита.

Шли на лыжах по чьей-то старой тропинке. Но на третий день пути и она исчезла. При этом впереди, впереди, впереди. Вперед двигались очень медленно.

Незаметно для себя маленькая экспедиция вступила в полюсу бурелома. Горные долины превратились в низменности котловины. Среди них пробивалась мелкая поросль. Кулик обратил внимание на одно обстоятельство: вершины поваленных деревьев-гигантов были обращены на юг. Значит, всходящая шла на встречу тому урагану, который пронесся здесь два десятка лет назад.

Путешественники остановились и разбили небольшой лагерь. Кулик начал осматривать окрестности. Однажды он на лыжах отправился на самый дальний хребет. И только поднялся на его вершину, как перед глазами образовалась ошеломляющая картина. Тайга, слышная, могучая тайга, распростлилась: впереди на десятки километров, виднелась лишь мелкая поросль. Теперь сомнений не могло быть. Там, на вершине, где свирепела на солнце белоснежные вершины гор, где текла среди мрачных ущелий река Хумно, находилось место падения метеорита.

Путешественники поглядывали проводники-ивнны, — «он» лес залил во все стороны и все палил, доходя палил, а дальше горы не ходил...

Но провести Кулика по обожженной когда-то метеоритом земле проводники наотрез отказались: после падения огненного шара пашаны находили на эту землю, чтобы в ней не оставалось, как вернуться обратно, взять на фактории русских охотников и с ними снова двинуться к месту, ослепшему метеоритом.

Весна вступала уже в свои права: изувальские реки, начиналась распушта. Приходилось торопиться. Поднявшись и спустившись по рекам на плотах, путники двинулись ирвнн, направленно к ручью, текущему из Великого болота в реку Хумно. Лед еще не везле прошел, и плоты то загромодали льдинами, то поворачивали плоты, давая им путь прергаждали пороги и наисленные повалью-е бревна. Иногда по даащать раз в день Кулик и его спутники переходили абром реку, на ручьи переплывали, но свирепели и, только мнинуя огненное место, вновь садилась на плоты. Ночью, во время стоянок, приходилось выставлять охрану, так как медведи близко подходили к лагерю.

«Но вот, наконец, и ручей Великого болота. Здесь и расположились лагерь».

Кулик начал бродить по окрестностям, вокруг большой котловины. Сначала он пошел вдоль гор к югу и убедился, что вершины были обращены к югу. Затем он увидел, что погибшие деревья лежат вершинами на востоке, и сам пошел на восток. Там, следы за направлением бурелом. Кулик обратился со всем доктором место падения метеорита. Потом исследование стал сузить круги, и, наконец, в северной части котловины он обнаружил, которая по которой ясно была видна сломы катастрофы. Так вот куда упали осколки огромного метеорита.

Однако долго оставаться на этом месте было нельзя. Запасы продовольствия к концу апреля закончились, поэтому пришлось идти в район сочные стебли таскиан растений.

Но через год Кулик вновь посетил знакомые уже ему места. Он нашел там еще более уточненные размеры площадки, зантой буреломом, засыпая киноаппаратом места падения метеорита и выстроила три избы.

5

Так возникла метеоритная фактория, которая обозначается на некоторых картах СССР. Сюда уже многие годы приездают Л. А. Кулик со своими сотрудниками. Здесь в я Залесной зной и в осенний холод борют они по ирвнн, болотам, исследуя участки земли, в надрах которой скрывается небесный привале. Уже проделаны наземные геологические работы, с самолета сфотографирована местность, которая представляет выдающийся интерес для науки.

Удалось выяснить, что звание после 1908 года находили в центре бурелома куски болот блестящего металла с кулак величиной. В 1908 году в Сибирь, в район, где содла болота, Кулик под микроскопом обнаружил мельчайшие шарик никельистого железа. Такие находки заставили предположить, что метеорит, упавший в районе центра пегантского железного метеорита, а это большая редкость.

История сибирского метеорита, обстановка его падения еще полностью не раскрыты. Никогда еще людям не приходилось извлекать из земли такой массы вещества, пришедшего из недр нашей вселенной.

Мировая литература не знает ни одного исторического случая, докозого еще не произошло в 1908 году в Сибирь. Поэтому с такой тщательностью и осторожностью ведутся исследования, так много настойчивости и терпения требуют от тех, кто занимается историей метеоритов. Многие годы своей жизни. Части метеорита вырывают, изучают все явления, вызванные его падением, и это обогатит науку интереснейшими данными.

В будущем, когда человек дерзнет в руке осколку летящего метеорита, исследует его, анализирует, он снова получит могучее доказательство единства материи во всей вселенной, включая и Землю.

ПОДВИГ

Вечер. Мирный сельский пейзаж. Недалеко от бурного ручья изгородью, пожелав китайский крестьянин вырыть-де золотой ручей. Издали доносится монотонная песенка:

«Вешей обрабатываешь рисовое поле,
Летом собираешь хизуну,
Осенью собираешь глады и рис,
А зимой ты сидишь в огороде, как
и вешей».

Из кустов незаметно выплывает японец, за ним другой, третий...

Солдаты вылезли сзади на старика и потащили его к офицеру. Допрос был недолог. На все вопросы офицера крестьянин отвечал презрительным молчанием. Заключать его живым в тюрьму—преждевременно.

Старика заставили выкопать себе яму. Он взял лопату и закричал: «Долой японские варвары, да зарываю Китай!» За этой сценой с ужасом следил, спрятавшись за выступом скалы, подполковник Пэн. Он забыл о своих охотах, которые продолжал мирно щипать траву на скале-ноге.

Выступ от неосторожного движения изпод ног у мальчика сорвался камень. Японцы восторжались. Пэн, собрав все силы, уперся плечом в обломок скалы, нависшей над оврагом, и крикнул крестьянину:

— Веди!
Но крестьянин неожиданно порознел Пэну кулаком и вместе с японцами бросился к нему. Мальчик хотел удрать, но споткнулся, упал, ударился головой и потерял сознание. Очнувшись, он увидел подле себя истекающего кровью японца. Лица их были измазаны краской, а на подбородке самого младшего ключники висела щетка.

Пэн толкал к работам из театральной группы молодую бригаду «Готовых умереть». Сцена, за которой он наблюдал, оказалась репетицией патристического спектакля, который готовили молодые актеры.

«Так началась новая жизнь подвига Пэна, жизнь полная опасности и испытаний. Он стал членом бригады молодых китайских патристов, поклявшихся отложить свою жизнь за спасение народа».

Бригада «Готовых умереть» была организована в провинции Шанси в октябре 1937 года. Туда принимал только молодежь от 14 до 21 года. При бригаде создали курсы для школьников, театральный клуб, читальню, собственный хор и театральную труппу.

Лишь только бригада прибывает в какую-нибудь деревню, там тотчас же собирается митинг. Выступления ораторов сопровождаются песнями, небольшими театральными постановками, информацией о делах военных действий.

Крестьяне питают глубокую симпатию к отважным молодым патристам, никогда не теряющим присутствия духа. Часта, когда молодежь покидает деревню, жители просят:

«Останьтесь с нами, отдохните еще хотя несколько дней. Вневеди нас ждет столько опасностей».

Их долго заверяют на одном месте нехлы. Маленькими группами, по 10—20 человек, нужно проникать в глубокие тайные врага, чтобы продолжать свою отчаянную и опасную работу.

Члены бригады «Готовых умереть» разрушают под носом у японцев железнодорожное полотно, портят шоссейные дороги, захватывают вражеские грузовики со

снаряжением и продовольствием. Большой популярностью среди местных жителей пользуется азбука бригады «Каждый метр разрушенной дороги — километры трудности для врага».

В смесях вылазок против захватчиков особенно отличались Пэн.

Японцы, взбешенные смелыми выступлениями молодых патристов, решили одним ударом покончить с ними. На поиски Пэна были направлены японский кавалерийский отряд.

Но молодежь узнала об этом, и сразу же командир бригады вызвал к себе Пэна.

Радостно и возбужденным вылезла мальчик из палатки командира.

— Где Ли?—спросил он товарища.

— Ли готовится к спектаклю. Он играет...

— Посмотрим, как Ли справится с этой ролью,—загадочно улыбаясь, сказала Пэн и победою к полостям.

«Впрочем, с гор, по крутой тропинке, спускался сукобаря, горбатыя стелура в сопровождении грязного, оборванного мальчишки».

Золотой полумесяц прорвал острым рогами облачко и осветил землю. На лесной дубах, в окладинах лиловоый китайской деревушки, зашевелилась тень.

— Пэн,—раздался шепот,—где ты? Я здесь, стелура, рядом с тобой.

— Ли скрывается в дубах...

— Скоро занюхает петухи?

— Скоро. Уже гаснут звезды.

— Ярмом, у реки, дом твоего отца?

— Да, Ли!

— Тебе не хочется пить?

Пэн молчал. Его давно мучила жажда, целый день пробираясь он с товарищем по обгорелой безводной степи. Сейчас, когда они были почти у дома, дорогу им преградила дом отца и колодная, прозрачная вода Фан-Хэ. Это было спасение японских застав и ловушек. Уже скоро два года, как он не видел отца. Жив ли он? А мать? Как бы они обрадовались, если бы вдруг увидели его! Пэн шмыгнул кобелем, потом решительно повернулся спиной к отцовскому дому и сказал:

— Зачем соблазнишь меня ользком и водой, когда жажда мучила догорта?

И ушел. Пэн,—пророчил Ли.— Ты не жди виласки, и у меня ты получишь маленький мешок. Я готов отдать правую руку за логот воды.

Пэн собираясь ему ответить, но слова застряли у него в гортани: точно солосаром хруснула сухая ветка. Ли пригнул к земле. Широко повторился, грубой мужской кожей крикнул по-китайски:

«Кто там прорвется в кусты? Выходи, стралять буду!»

Пэн знал, что в деревне стоял отряд японского естеленика Фу Дэ. Надо было то, что бы из них было спасли. Ли и крадучий пруж в мешке. У мальчишка маленькая смелая мысль: отвечать врагу от товарища. Ничего не ответил на окрик, он бросился бежать в сторону от тропинки.

За ним погналась погоня.

Когда вдали замолкли крики, Ли, придерживая руками мешок, осторожно шагнул вперед и, прорываясь, побежал одной лощиной к железнодорожной насыпи. В стороне прогрелась выстрел. Больно ждалось сердце у Ли, он мысленно простился с Пэном.

С трудом добрался Ли до насыпи. Цепляясь руками за мокрую от росы траву, карабкался он по крутому склону, свалился, падал и опять начинал спичал.

Уж забрезька рассвет, когда Ли, наконец, взобрался наверх. У шлагбаума маячила фигура часового.

Ли замор.

Часовой постола несколько минут в раздумье, потом повернулся спиной к Ли и медленно пошел в обратную сторону. Ли поспешил сбросить мешок с лопатки и ложком, который он вытаскил из мешка, начал подвывать землю под шпашами.

Неожиданно совсем близко раздался протяжный стон. Ли крунулся под откос. По лощине, поросшей мохом, черед ользак, к лощине желобчатой дороги пробирается, сгорбявшись, человек. За плечами у него была какая-то ноша.

Ли услышав пригнутому китайскую речь?

— Ты уверен, что он здесь?—спрашивала мужской гоас.

— Конечно, но с ним условился это сделать тем, тебе последние дорожки переосекет железнодорожное полотно.

Ли узнал гоаса Пэна. Сердце у него забилось от радости. Он хотел уже было окликнуть его, но сдержался. Пэн почему-то сидел на спине у солдата в японском мушкетере.

«Что бы это значило? Неужели японцы пытками заставили Пэна все рассказать?»

Солдат наткнулся на мешок, ослепленный Ли.

— Динамит тут,—пророчил он.—Где же партия?

Ли аккордною следил за каждым движением солдата. Вот он отсталца в сторону мешок. Неужели все пропало? Но нет, солдат, ослепленный, начал расширять воронку под шпашами. А солдату уже встало! Скоро, скоро! Чего он там возит-ся? Динамит заложил.

Ли бросился к солдату, к Пэну...

«В это время из-за крутого поворота, чихая лагана, выехал ужасный военский состав».

Призрачная, дрожащая Ли за солдатов. Он терпел в депешки что случалось с Пэном? Откуда вылез этот страшный человек в японском мушкетере? Но было не до расспросов: надо было скорее убраться от места взрыва.

Теряя сознание от усталости и жажды, Ли вдруг увидел, словно просвет деревьев бесшумно повернулась вода и японский шпашус вперед. Солдат осторожно опустил на землю стонущего Пэна и ласково спросил:

— Как у тебя с ногой, мой мальчик?

— Пэн не ответил ему; улыбаясь скудья слезы, он обернулся к Ли:

— Это мой отец.

Человек в японском мушкетере протянул Ли руку.

За день до прихода Пэна в родные места крестьяне воевали против известника Фу Дэ, перебив врагов и организовав партизанский отряд. В ту ночь, когда Пэн и Ли покидали к деревне, отец Пэна, прорывая посты, наткнулся на них.

«Старик чуть было не застрелял меня,—рассказывала Пэн.— К счастью, я споткнулась, упала, пуля пролетала мимо. Пэн не мог встать: он разбил колено. И я вдруг в человеке, который тылся за ним, стрем и тенью над ним склонился. Пэн узнал отца».

— Почему же ты не остался ользак дома?—спросил Ли.

— Не было выключено приключ... я не знал, что с тобой стало. А в кормане у отца были переключенные шашки.

— И ты оседла от отца?

— Широкую улыбку осветила лицо старика:

— Лучше бы мучал на службе у родины, чем скрывая лошадью на повозку у врага».

БЕРЕЗА КАРТУЗСКАЯ

Н. САКОНСКАЯ

ВЕРНОЕ СЛОВО

(РАССКАЗ ЛЕЧИКА)

Я под этим небом
Побывал впервые,
Я вот это море
Представлял иначе:
Ветры коровные,
Волны штормовые,
Что стучится ночью
В домики рыбацкие...
Выключив моторы,
На берег полугол
Высел я машину
В этот летний вечер;
Прелюдию земляника,
И старик с порота,
Отягощенный иволга,
Встал ко мне настречу.
Встала косяки,
Согнуты косяки,
Волос будто солью
Густо пересыпан;
А в глазах тревожно,
А на скулах тени —
След небойей жизни,
Горькой и несмытой.
Он меня сурово
Пригласил в лачугу —
Желтый свет котла
Замигал в потемках, —
И ему с волнением
Протянул я руку.
— Как дела, товарищ? —
Я спросил негромко.
До сих пор я помню,
Как мы сели рядом,
Как рукой дрожащей
Он крутил рычажок,
Как потом смотрел он
Потеплевшим взглядом
На ушибленный месяц,
Что светил в забарку.
— Я, — сказал он тихо, —
Плавал в русском флоте,
Я среди восставших
Был на Бронескопе;
Мы там леди песни,
Те, что вы поете;
Нам за вашу долю
Довелось бороться.
В том году жестоком
Я узнал впервые
Цену братской крови,
Дым больших пожаров,
Рапы штыковые,
Волны штормовые
И вот это слово
Верное: «Т о в а р и щ...»
...Мы расстались поздно,
Два попутный ветер,
Незнакомый город
Улыбала в туманы.
Крепко пахло морем,
Крепко слыли дети,
Было очень тихо
В бухте Аккермана.

Поле жарющих красот Друскиенского курорта и сказочной Беловежской пущи... Береза Картузская, или, как ее запросто называют, Картуз Береза. Береза действительно вместе; картуз же, как мне объяснил, приставлен к ней по настоянию местных монахов. Недалеко от города существовал монастырь. Обитатели его, оказывается, вместо каштанов и кашубов посадили картузы; они то — монахи — и увлеклись себя упомянутой приставкой к названию города.

Без Картуз Береза трудно понять былую Польшу, Мемель, сейчас в этом месте ходит по всему миру. Одно изобретение его упоминается вызвало у людей ужас. Здесь до прихода Красной Армии находился большой концентрационный лагерь — самый чудовищный из всех возможных польских застенков.

Два года назад польские власти срыли, снесли замок, идущее мимо лагеря, чтобы проследить преступники не было видно с поля, что делается на тюремном плацу.

Я разговаривал с людьми, отнюдь не сантиментальными, — с теми, кому хорошо знаком регион польских тюрем. Дубитые люди. Но с Картуз Березе они не могут вспомнить без внутренней дрожки.

На человека, попавшего в Картуз Березу, было смотреть как на заживо погребенного. Бельды? За целый лет существования лагеря отсюда бежал лишь один уголовный преступник, который за свои тюремные заслуги пользовался особым доверием администрации. Вот он и оправдал его.

— Здесь все было рассчитано на то, чтобы в кратчайший срок умертвить человеческую волю. Массовые убийства вызвали варшавские волнения, протесты. Безоселем изводить человека изо дня в день. А если вместе с духом угасает, гибнет и тело? Что же, объяснение всегда готово: разрыв сердца.

Разрыв сердца мог случиться в любую минуту.

***

Суда не было.

Их арестовали по подозрению в революционной деятельности, как арестовали тысячи других «левобонапартеистских» рабочих и крестьян. Четырех человек сковаали сперва попарно, затем соединили цепью, пару с парой, и привели в лагерь.

По дороге к инспектору их пропустили сквозь строй польских жандармов. Были нещадно.

У инспектора традиционный вопрос:

— Чего ты сюда пришел?

По обязанности отвечали:
— Не знаю. Пришли ночью, азили и привели... сюда.

— Не знаешь? — к польским: — Об'ясните ему!

Были прислапаны, кулаками, резиновыми палками, синюгами. Одного сразу же уложили в карцер. Остальных вывели на двор, бросили на колени и заставили позвонком пробираться к провинциальному заградбатару у адания тюрем.

Польский командовал:
— Молчите божеей матери, чтобы она отворила эти ворота перед преступниками, недруги земли!

Своих битые до оури, до тошноты.

Затем обжак. Велит раздеется догола. Отнимает деньги, табак. Ударам подгоняют замешкавшихся. Наконец, приказывают одеться — и в карцер.

Тут собирают всех арестованных за ночь и выстраивают в ряд.

Командант произносит речь:

— Насколько значна над вами не существует, кроме нагайки и ремесла. Если хотите выйти отсюда живыми, должны слушаться.

Остаток ночи пролегли в камерах на нарах, которые запирали паравантами. Тюрьком не было. Спали на голых досках. Лежать на спине нельзя: ширина доски — 5 дюймов. Так и лежали на боку.

Подняли на рассвете... Начался лагерный день, несказанно длинный, многотрадный.

***

— Мы чувствовали себя счастливыми, — рассказывал мне один из бывших подзаключенных, — если удавалось походить в рабочую дружину: рыть канавы, класть мостовую, корчевать деревья, возить камень в песок.

Чтобы по достоинству оценить это «счастье», нужно иметь условия лагерного труда: Ключи кустарник — и ты вырвался руками. Кто борозвал землю, заключенных впрямли вместо лошадей.

По раме можно все это сравнить с «культурными» на тюремном плацу? «Ураженники» начинались с бега. После сорока пяти минут бег разрешалось идти минут пять шагом. Сто выгасает: раз заставляли, по свистку, плавать в пруду и вставать. На колени люди ползли по битому щебню. И так почти все день.

Плац был местом массовых жестоких. Ежедневно отсюда уходило десятка замученных, обезображенных, мертвых тел. Одно, даже случайно оброненное слово могло стоить человеку жизни. В лагере не разрешалось ни с кем разговаривать.

Кормили реденькой перловой или просеной крупой, давали немного картошки. Утром к значному кофе без сахара отпущала ложка белого сахара в синичную коробку. После сны — вилка котлеков и «спиритинья» с котлеками. Вместе с людьми их валили в грязь, заставляли снова чистить и снова валили.

В камерах днем не разрешалось сидеть на нарах. Можно было только стоять у стены: то спирую, навязывать, то волюю. Польские забавлялись тем, что загоняли людей под нары.

Малейшее нарушение «универсального распорядка» каралось карцером. При «убитие» могли и пристрелить. Состояние «убитая» определялось тюремщиками.

От заключенных требовали вылици сообщников, переходила на службу в полицию.

Одни из местных жителей рассказывали:

— Никогда меня подвозили к забитым окнам, откармливали рамы и покормили мой дом.

— Помогите, — говорил они, — ты оставляя там отца-старика, мать-старуху, жену в двух детей. Они голые, босые, голодные. Жена твои тяжело болела. Недалеко же отсюда в больницу, она завла тебе на помощь. Разве ты не муж ей? Разве ты не отец своим детям? А ты слышишь здесь! Мы не допустим твою жену к доктору. Она урет, и ты ее संबоды больше не увидишь. Мы знаем, что коммунист, потому явился дружок — и ты свободен.

Долгое время после этого разговора человек не мог позволить имени родного сына.

***

Расчет был на отчаяние: сопротивление бессмысленно, вели сложными, человек презираем в жалкое свое положение, чувства атрофированы, расудок потерян.

И вдруг новичок, на которого обрушился весь ужас арестованной ад, слышит речь: «Держись!» Он не знает человека, который произнес это простое и великое слово. Но он понимает, что он здесь не один, что о нем помнят, о нем кто-то заботится, великим униким слово это возвращало мужество, выдержку, стойкость!

Коммунисты умели сортировать и здесь организовывали работу, они умели читать, они умели читать газеты, узнавать о положении на воле, передавать новости из камеры в камеру.

Отчаянию противопоставлялись сплоченность и идеология.

Забравшие слова случайно представляли в других революционных партий быстро определялись на службу в охранку и становились тогда членами одной партии, астоями одной веры, умели превомогать жестокие мука и не запинать своего знамени: это коммунисты.

НОВЫЕ СТИХИ

ДАЧНЫЙ ПОЕЗД

Я все вспоминаю тот дачный поезд,
Идущий в зеленых лесах по поле,
И дождь, как лисички в детской
тетрадке,
И юношу с девушкой на площадке.
Он в новенькой форме, затянут строго,
Кружит кинолентой пред ним дорога,
Мокры ее волосы после купанья,
И в грустных глазах огонек прощанья.

Как жаль, что вагоны несуеты быстро
И день угаснет в дожде, как искра!
Как жаль, что присматриваются соседи
К безмолвной, безмолвной или их беседе!

Он держит ее золотую руку,
Еще не умея понять разлуку.
А ей этой ладки сегодня мало:
Она и при веке бы подошла.

Но смотрят соседи на юношу в форме,
И поезд вот-вот подойдет к платформе.
И только в тоннасе одна минута —
От взглядов сокрытая часть маршрута...

Вновь дождь открывается, как странами,
И юноша пробует отстраниться.
Он воин. Ему, как мальчишке, етюдю,
Что грустное смуте их очистило.

...А завтра ему уезжать далеко —
До дальнего Запада или Востока.

В холодном бою, на снегу, изритою
Свинцом и безмолвными динамитом,
Он вспомнит и дождик и дачный поезд,
Идущий в зеленых лесах по поле.

И так пожалуй, что слишком строго
Промчались прощальная их дорога.

ИЗ ПОЭМЫ

Утрами опускались мы в шахту.

Бывало,

В тоннеле подпочвенный дождь-морозил,
Нас желтой упругой землей осыпало,
За смену совсем выбивавших из сил.
Все музыкалу мягкие, словно на вате,
Песок забивается в уши и в рот.
Но кто-нибудь скажет: «Ребята, давайте
Еще пореботаем — на самолете!»

И мы оставались на смену вторую,
Беснались отбойные молотки,
И твари мы яростно землю сызрую,
И глядя помали нам навстречу лещки.
...Я слышал над Выборгом рокот

моторов,

Видал, как от крыльев темнела небосклон.
Их много летело. Но знаю, который
Из нашей усталости был сотворен.

ПЕЙЗАЖ

Все дороги маячные прозрачны,
Что ж к какой сердце не лежит?
Дрогнут листья, гукнет поезд дачный,
Белочка по соснам пробежит.

Мы печатаем здесь несколько стихотворений Евгения Долматовского. Вы, наверное, знаете этого поэта и поэта его песни: «Любимый город», «Улыбка», «Словушка» с характером.

Евгений Долматовский начал печататься в комсомольской прессе в 1933—1934 году. Стихи его неоднократно появлялись и в «Смене».

Лучшие его стихи собраны в книжке «Дальние восточные стихи». В 1939 году правительство наградило, в числе других поэтов и писателей, Евг. Долматовского орденом «Знак почести». В 1940 году за особую работу на фронте борьбы с финской белоэгар-девойшиной он награжден медалью «за боевые заслуги».

Церковь на пригорке. Странно даже:
Разве в бога верят до сих пор?
Им это только для пейзажа,
Чтоб темнее стал далекий бор.

Чтоб просторы сказочные были,
Зеленели сизими вечерком?..
Мы с тобой ежедневно не ходим
По сырым тропинкам божьим.

Вместе мы перенесли невзгоды,
Гладит нас, прохладна и легка,
Подмосковной северной природы
Сильная, спокойная рука.

ПЕСЕНКА

Где-нибудь на улице чужой
Песенку свою услышать грустно.
Неизвестной светлая дудой,
Жизнь моя передается устно.
Из окна на улице чужой.

Человеческую боль открыл,
Песня замерла и отзвучала.
Может быть, печальный наш разрыв
Станет чьей-нибудь любви началом.
...Грустный, тонкий, как струна, мотив.

У МОРЯ

Я должен вырваться из плена
Всех мелочей, владевших мной,
И, отменя морскую пену,
Дружить с волной, с одной волной,
Чтоб грохнула — а ее же мало —
И тишина несла опять.
На гордом гребне поднимала
И опускала, чтоб подняты.

САМОЛЕТ В ПАРКЕ КУЛЬТУРЫ

И в Зоопарке сокол хмурый
Все вспомнит своей Кавказ.
А он поставлен в Парк культуры,
Мальчишкам праздным запоздал.

И разве может алюминий
По высоте не тосковать,
Когда за тучей тёмносерой
Гудят товарищи опять?

Проходит грустно день короткий.
Но вечерами иногда,
На брови опустив платочки,
Заходит летчики сюда.

И сколько сразу им расскажет,
До сердца самого прилетит
Короткий шов на фюзеляже
И устаревший пулемет.

И люди смотрят с уважением:
Ведь многих берегут от гроз
Короткого винта движенье
И котги выпущенных кола.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Весна протерором окружала нас,
И детский чижик шибетал внавал.
Все было так, как будто в первый раз
Об этом люди думали и знали.

И если бы созвучны и слова
Позволяли мне сделаться природой,
Тебя бы ветер в губы целовал
И каждый лист зеленой ланкой трогал.

Впервые вечер так прозрачно тих.
Мы в первый раз с тобой идём по лугу.
И вот на площадке на нас двоих
Глядит впервые памятник поэту.

Заметил я его железный взгляд:
Все правильно, как триста лет назад.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дайте о юности больше ни слова.
Есть мужество, верность — слова
поповей.

Военное время встречает сурово
Подростки на эти года сыновей.
Мы выбрали сами прекрасное бремя —
Страну на плечах пронести

в коммунизм.

Лишь трудное время — счастливое время,
Лишь трудная жизнь — счастливая

жизнь.

В сечах и морозах, средь зноя и пшени,
Сквозь смерть мы должны свое сердце
пронести.

И все же мы будем такими, как были,
Такими, как были, такими, как есть.
Ногоски, ровесники, едиповорцы,
Бытия комсомольского полка,
Чем мягче и бесполое сердце,
Тем тверже и спокойная рука.

«ПЕНАТЫ»

Ночью прошел сильный снег и сейчас лежал, густой и жесткий, и сасит стояла в пыльном одеянии, докучаясь над ветром. Наши чашки, заняв Куоксау, двигались дальше по неширокой дороге, покрытой снегом, — дачной дорожке — мимо таких деревянных домиков с островными крышами. Один из таких домиков стоял совсем в глубине, просвечивая сквозь опущенные занавесы дерева, и на вывеске его было написано латинскими буквами:

«Пенаты».

Вместе с частью, проходившей через Куоксау, шли два корреспондента из «Пенат» газеты; увидев слово «Пенаты», они ринулись к калитке.

Она открылась с тем унылым равным скрипом, который свойственен всем старым дачным калиткам.

Сад перед домом был засыпан снегом, бумажными сугробами замело выходящую от дома аллею, обсаженную березами, и на аллее ясно обозначались следы.

Следы шли только от дома, — в этом было что-то неприятное. К дому не вел ни один лес. От дома к озеру — много шагов, поспешных и чистых: два человека ушли из этого дома, они торопылись и шагали неровно, вперед шел мужчина, широко расставив ноги в валенках, за ним шла женщина.

Дом был совершенно пуст.

Дочь и сын Реина бежали отсюда. Дом был брошен со всеми следами бегства поспешного и нечистого, здесь остались только чашки, разорванные газеты, две вышивки швейного стола были закрыты не до конца, на самом столе был вывешен и тревожный беспорядок, который создает чужая рука. Справа лежал раскрытый блокнот большой пачкой писем. Это были крупные, аккуратно запечатанные конверты, и корреспонденты вглядываясь, увидели, что они надписаны рукой Реина.

Точно: это была его рука, косяк и крупный старческий почерк. Все конверты были адресованы в Советскую Россию. Не сразу можно было понять, в чем тут дело, корреспонденты, растерявшись, стояли возле письменного стола, не отводя глаз от толстой бумаги цвета слоновой кости.

Скорее исполнителю дельт был, как умер Реина. Челябинская писем, написанных им в Советский Союз, не попала в руки тех, кому эти письма были адресованы. Домашняя Реина осталась в руках писем, но превращения. А он все продолжал писать, и ждал ответа, и огорчался, вероятно, что этот ответ не придет.

Пройдя по пустому, тихому дому, люди снова вышли в сад. Они пошли искать хозяина. Хозяин давно остался отсюда, дом, он лежал далеко-далеко, прикрытый холмиком земли. Мы знали о том, что Реина хранил, чтобы его похоронили в саду «Пенат», что он долго спорил с финскими властями, просил их, заплатив им большие деньги, дать целый ряд описей картин. Шел дачный и во многом оскорбительный торг между великим художником и равнодушными представителями власти чужой страны. Наконец, разрешение было дано. Сейчас корреспонденты ходили по саду, проваливаясь по коленам в жесткий, колочный снег, и искали могилу, в которой был похоронен Реина.

Но могилы не было.

Перед смертью Реина просил, чтобы над его могилой не ставили никакого памятника, только выкопали бы. По-старинному ему казалось, что вельсее лежать в ямке, когда над тобой шумит березка. Корреспон-

денты искали холмик с березкой, они обшарили весь сад, спустились к маленькому пруду, снова поднялись — могилы не было.

Тогда они вернулись в дом.

В нем было поперечному тихо, косяк луч солнца лежал на старом, выцветшем полу. Вдоль кружились золотые пылинки. В одной из комнат корреспонденты увидели на стене фотографию. Там была снята могилка Реина. Садить березку было не по правилам церкви, и на могиле стоял обветренный финский памятник кузнеческого образца, невысокий и толстополый. По фотографии можно было точно установить, в каком месте сада была могилка, корреспонденты быстро нашли место, попытались немного воды занесенного снега холмиком, взошли и побегали догнать свои сады.

В части, услышав этот рассказ, немедленно послали к дому Реина охранию, и через несколько минут воле «Пенаты» уже прохаживался молодой белокурый красноармеец, держа винтовку в руках.

Эти дни нельзя не вспомнить сейчас, когда ходишь в те же «Пенаты», ставшие домом-музеем великого русского художника.

Картину Реина мы полюбили, увидев их в тишине и просторе галереи. Сейчас мы увидели их в том месте, где они создавались. Мы вошли в мастерскую художника. Углы деревянные, простыня висела к ней. Прямая нас глядела с автопортрета художник — старик, большой, очень усталый человек. — Комната льнула топит, он мерзнет, голова его прикрывает глубокой изогнутой шляпкой, на щеках выступил старческий румянец, румянец венозной крови. Таким был Реина в 1925 году, за пять лет до смерти. Несчастные у него глаза, мет в эти глаза на тиньши, на вьюки. Но поперечному сильна и точка кисти, лицо человека выступает из картины с волнующей полнотой, все морщинки его, складки почти осязаемы.

В углу стоит картина «Римский вояк», над которой Реина работал за три месяца до смерти. Она не была им закончена, а ней еще остались та особая бесконечная неопределенность, которая свойственна картинам, не доведенным до конца. Рядом лежат доспехи вояка — их наделал натурщик, — лежат большая шапирка, кисти, краски.

Здесь мы увидели картину Реина, которые нам никогда в жизни не слышали видеть и о которых мы ничего не слышали ранее. Это большой подарок для каждого человека, лю-

Летом 1905 года, вскоре после своего освобождения из Петроградской ссылки, А. М. Горький приехал в Куоксау. Здесь он читал в «Пенаты» и В. Стасова своего ученика «Дети солдата», написанную в камере Турецкого бастиона. На сценке (слева направо): А. М. Горький, В. В. Стасов, И. Е. Репин, Н. Б. Нордман-Северова в Куоксау.

бшего искусства. Но не только этим привлекательна мастерская великого художника. Пожалуй, еще пленительней для нас были эскизы, наброски, черновики будущих картин, лежащие поодаль, рисунки пером, сделанные на промокательной бумаге, когда рукою волдела не решимость, но задушевность, поэзия мысли.

Рядом с большой мастерской была вторая, маленькая занята мастерская, куда Реина никого не пускал. Там находились картины только начатые, с ранними и сданными рождением, — то, к чему художник сам приспосаблился, полагаясь на свой вкус, не представляла еще истинная и плотная линия будущего образа. Одна из стен этой мастерской была увешана эскизами к большой, замечательной Реиной картине «Петр и Верейский и гробы Петр, стоящий на качающихся мостках арбуза», — строится с топором в руках, и рядом толпа Петра, уже другого, тревожащего в своем движении.

На этой же стене, среди других эскизов, был маленький, трогательный этюд, сделанный с И. П. Павлова, когда он приехал в гости к Реину в «Пенаты». На эскизе лугу, покрытом росой, восточного, стоял маленький вез с седой бородой, в белом длиннополом, старомодном пиджаке, и ветер раздувал этот пиджак и приподнял к земле траву, и воздух был свежий и светлый, прозрачный.

В доме у Реина бывали люди замечательные, за круглым столом собирався Павлов, Горький, Стасов, Менделеев, Карпинский, Маяковский, приезжал восточный царевич. Рассказывали душевные художники той поры, за круглым столом «Пенаты» гостей принимал хозяин, умный, с блестящей речью, с мыслями, полными интеллектуальной силой.

Много изменилось в «Пенаты» после того, как дом этот оказался за рубежом. Все печальнее, все пустыней становилось в нем, все более одиноком чувствовал себя Реина.

«Своем в плену, в ссылке живешь, с окружающими людьми, с профессорами моими...», — писал он в одном из своих писем.

Реина окружали люди чужие и враждебные нам. Кольцо вокруг него было плотным и унылым. И все же, несмотря на все то чужое и враждебное, Реина продолжал творить свой сложный процесс, ведущий к перелому. Все чаще, все глубже и теплее думал он о родине, о своей стране, о Советской России.

Он получал отсюда письма, ему писали писатели, художники, члены правительственного Рабочего. Он отвечал, но эти письма его домашние открывали с большим разбором, и многие не читали и остались лежать в ящиках, спрятанные его дочерью. Он подарил Советской России несколько своих картин, которые хранятся сейчас в Музее революции. В числе их был эскиз «Похороны», весь затененный тремя разными цветами, и в нем цветом, запретным цветом в пору, когда писался этот эскиз. Здесь были картины «9 января» и «Дети солдата». У него стояла лежать, перемоняющаяся паль движения.

И никогда не думал он, что на могиле его предлет столко советских людей.

В день, когда в «Пенаты» открылся Дом-музей И. Е. Репина, на неширокой дороге, ведущей между садом и домом, упер стояла лежать, перемоняющаяся паль движения.

С утра сюда шли автобусы, грузовики, ехали легкие машины, мотоциклы, торопылись, пригнетывая к рулю, велосипедисты, шли пенкоходы. Уже к полудню сад вокруг «Пенаты» был полон людьми. Они бродили по комнатам, где стояли картины, читали старинные журналы, ища на стенах репинская живопись, они полужуко задерживались в его мастерской, они проходили через переднюю, где лежал под вывеской на вывеске, опущенное пальто и широкополная шляпа мечтателя и волюнтариста, они останавливались у письменного стола, на котором лежали любимые книги художника.

Потом они шли к могиле. Тула, где в цветах и венках лежал хозяин дома.

«Крестный ход в Курской губернии».

С картины И. Е. Репина

ВЕЛИКОЕ ТВОРЕНИЕ

«Крестный ход в Курской губернии» — одно из самых совершенных произведений И. Е. Репина и по живизности изображенных лиц и по живописным достоинствам.

Художник задумал картину в 1877 году. Тогда же он начал собирать материал, зарисовывать персонажи и сделал даже первый эскиз. Но потом эскиз этот был заброшен, и вплотную работать над картиной Репин начал лишь в 1881 году. На этот раз с антоном жаром, со всей репинской страстью.

«В начале июня съезжу в Курск, а его окрестностях крестный ход будет знаменитый, посмотрю и сделаю заметки для своей картины», — писал он 20 мая 1881 года. Вплоть до весны 1883 года работает художник над «Крестным ходом».

В этой картине Репин создал поразительно галерею русской провинциальной и крестьянской жизни своего времени. «Здесь собрана воедино всякая пачка типов и характеров, как ни в одной другой бытовой картине русской живописи», — пишет И. Э. Грабарь. Недаром позволяли картину на XI передвижной выставке в 1883 году произошло впечатление разорвавшейся бомбы. И если передаваемые люди того времени приветствовали творение Репина как острую характеристику убогой русской деревни, то чернотемная

печать встретила картину в штыки. Против ее сурового реализма ополчились все буржуазии. Они находили в ней «степенизацию, достояние соловья», «более чем страшный подбор нарочито уродливых, зверских и идиотических типов». В действительности же картина Репина выдвигает огромный социальный содержание, которое с этого времени делается основным в его творчестве.

На огромном полотне (размером в 1 метр 75 сантиметром х 2 метра 80 сантиметром) И. Е. Репин изобразил религиозную процессию в жаркий летний день. Горнее солнце, сияющее лазурное небо, нестерпимая жара, снятие инок, хоругвей и риз переданы художником с предельной яркостью. Многотысячная лавина движется по расклеванной песчаной дорожке, поливаемая за собой целое море пыли. Каждый персонаж охарактеризован Репиным настолько индивидуально, что о любом можно написать целый очерк.

На переднем плане картины группа мужчин, несущих тяжелый оловянный фальш. «У них всех лица важные, серьезные, полные достоинства», — пишет В. В. Стасов. Улыбку вымалывают даже богомолки, бережно несущие пустой футляр от иконы. Прекрасно написана группа певчих, надолго запоминаются их сосредоточенные лица. Прекрасно изображена художником фигура дьякона, из-

ывающего в пыльном облачении под лучами палящего солнца.

Но центр всего, как правильно замечает В. В. Стасов, «это сам «чудотворный образ», вельможой, но весь в золоте, и с уларившим в него лучом солнца, который несет с великим парадом и важностью местная аристократка, кучка или компания, толстая, корявая, упреваемая солнцем, шуршащая от него, во весь в баятах и шелках. Ее ассистент — местное слабое аристократическое лицо, откупщик или подрядчик, теперь золотой мешок, уже в немецком сюртуке, но явно из мужиков, грубый, нахальный, беспартийный кулак. Подле — отставной капитан или майор без ямочек, но в форменном сюртуке; сваял поны и золотых ризак, беснувшись на солнце, в фиолетовых скуфейках и камиллаках, весело беседуя друг с другом». Певчие евоют, и так припекает, что не слышат и не видят, что в двух шагах подле делается. А там лихой урядник, конечно, из солдат, из конницы, вероятно пономарский, тоже прилежно занимается своим делом: он яростно лунит нагайкой толпу, задрав судорожным движением левой руки голову лошади своей, и это все без нужды, без цели, просто так, по усердию. В толпе раздается крик, головы и тела расшатываются по все стороны, чья-то рука в розовом рукаве сафрана поднялась поверх толпы,

как бы торопясь защититься от этого зверя. Другой урядник, в левом углу картины, действует гораздо скромнее: он только грозит нагайкой, свесив ее толпе со своей лошади. Местные волостные власти тоже являются в двух видах: одни, самые ревностные, уже перешли к действию, толкают и толкают вокруг себя палками, но их немного; а остальные, которых очень много, куда ни посмотри вокруг, направо, налево, впереди и сзади, пешком и верхом — существе войско в кафтанам крестьянских, и все с блажам.»

Сцена на картине деревенская беднота. Запоминаются две паломницы с посохами и горбуш (кстати, это одни из самых любимых образов Репина в этой картине); их лица — как бы символы тогдашней деревни, которую в течение многих веков заставляли верить, что разные «чудотворные» иконы приносят исцеление от страданий и вудям.

«Крестный ход в Курской губернии» окончательно установил за Репиным репутацию первого художника России», — пишет И. Э. Грабарь в своей монографии о И. Е. Репине.

В 1883 году картина была приобретена П. М. Третьяковым. «Крестный ход в Курской губернии» является украшением репинского зала Государственной Третьяковской галереи.

Жизни многих слов представляется собой интереснейшую историю, причем которой является само слово. В ней много других действующих слов, событий, происшедших.

Однако, помимо значительности, связности с историей слов родного языка имеет большое образовательное значение. Зная исто — то слово, точнее значение, его смысл, значение и правильное употребление. Многие строки из произведений наших классических писателей звучат при этом полнее, много-

образные отечные мысли уважительно звучат.

Мне кажется кипучей жизнью. Слова рождаются, меняются, живут. Слова с места на место, на язык в язык, умирают. Иногда достаточно чуть вздумается обобщение слова, как оно открывает нам какую-нибудь новую сторону, новый смысл или образ, до этого от нас скрытый. Начиная с этого история различных слов. Писать нам о том, какие слова нас интересуют, воссоздавая какие-либо слова мы хотим, чтобы они жили, чтобы они могли бы уходить.

ЧЕРЕСЧУР. Очень часто мы употребляем это слово, но, наверное, многие не знают его происхождения. А история слова чересчур интересна. Это — одно из ответвлений большого семейства слов, образовавшихся от одного слова «чур». Во времена язычников слово «чур» значило предок, родоначальник. Вы находите его и в слове «чур» (в старославянском слове «чур» писалось «шур»).

У язычников считалось, что чур был призван охранять своих потомков от всяких бед и несчастий. Поэтому-то в минуту опасности было принято кричать: «Чур, меня!» Детское восклицание «чурчур!» в различных рисковых моментах игры происходит отсюда же.

Для того чтобы чур был более удобно выполнять свою роль защитника рода, останки умершего предка клались в глиняный сосуд и воздвигались на стоббе, который устанавливался на границе владения рода. След этой обычая и сохранился в слове «чересчур», то есть через край, через границу, через меру.

Слово «чураться», т. е. спориться, избегать, произошло от восклицания «чур, меня!» Наконец, возможно, отдаленным потомком этого же семейства слов является народное выражение «окачуриться», то есть умереть, «отправиться к праотцам».

ЛОДЫРЬ. Вдумайтесь в звучание этого слова, составьте его с другими словами, поиграйтесь наги и до старичков, его семейство. Вы убедитесь, что «лодырь» стоит особняком. Слово «лодырь» одиноко и безродно. А между тем слово «лодырь» принадлежит к тем словам, о месте и времени рождения которых мы знаем совершенно точно.

Оно появилось на свет в Москве в начале 30-х годов прошлого столетия, на Остоженке, в Хлюквом переулке, у рощицы, которой отгорожен сад дома № 3. Этой красивой ороской, охватывало в те дни «Московское сведение искусственных минеральных вод» доктора Лодера.

В те годы доктор Лодер был в моде. Каждый день к нему съезжалось много богатых людей, которых он лечил водами, ваннами и массажем, то е. обязательными прогулками. Поэтому в саду доктора Лодера постоянно страстновали его пациенты. Толпились у рощицы сада народ дивный, видя такое множество слывшихся без дела естество. По фамилии доктора народ прозвал его пациентов лодырями.

Доктор Лодер в прелюдительном значении этого слова неповинен. Он был человеком энергичным, построил автоматический театр и много сделал для развития медицинского образования в Москве. Слово «лодырь», созданное народным юмором, относится не к доктору Лодеру, а к его пациентам.

МАЙКА. Читатель недоумевает, почему это мы являлись описывать историю такого слова, которое понятно и без особых комментариев. Каждому ясно, что майка — это летняя трикотажная рубашка. Называется она так потому, что первый теплый месяц зовется маем. Что же здесь мудрится?

Оказывается, не в мае дело. Французски трико, в котором выступают аристократы и танцовщицы, называется «сальто» (sautoir). Россияне споры также трико не производились, их привозили из Франции. А вместе с вещью пришло из Франции и имя и ее название, которого в русском языке до этого не было. Теперь же оно сохранилось только за трикотажной спортивной рубашкой.

КАТАВАСИЯ. Это слово служит картинным выражением беспорядка. Кажется, будто само звучание его дает представление о каком-то сумбуре, сумятице, кутерьме... Дело здесь, повидимому, исключительно в нашей привычке, потому что прежде смысл слова «катавасия» был совсем иным.

В греческом языке «катавасия» значило «схождение». В греческой церкви так стали называть схождение двух хоров на середине церкви, для того чтобы вместе исполнять определенные композиции.

К нам это слово пришло вместе с греческим церковным культом, когда за Русь было принято христианство. И у нас схождение двух хоров на середине церкви стало называться «катавасией».

Однако изволились несениея двумя церковными хорами, онеиздано, так плохо, что скоро в народном языке слово «катавасия» стало означать беспорядок, разномыслие, сумятицу, кутерьму и даже в конце концов, возню, потасовку.

ВОДЯНИТЬ. Многие, наверное, слышали о старинном музыкальном инструменте — вольме. Музыканты играли на вольме, надуть воздухом, и инструмент издавал протяжный, несвойственный звук. От этого и пошло выражение «сводянить», то есть тамууть какое-нибудь дело, копать, канителиться.

И. Малковский

«ОНЕГИН» НАШИХ ДНЕЙ

«...Люди, которые только блещут поверхностной культурностью, которые приобретают только внешний культурный лоск, люди типа Онегина, способные поговорить обо всем понемногу и ничего существенного не знаящие,—такие люди не играют и не будут играть значительной роли в жизни советского общества и государства».

(Из речи М. И. Калинин на совещании учащихся средней школы Вормановского района Москвы 7 апреля 1940 года).

Все знает он. В короткой речи
В небрежной и цветистой речи
С ученым видом знатока
Коснется до всего слегка.

Обсудит новые события,
Газеты не читая давно,
Одобрит смелое открытие,
Хоть для него оно темно.

Оценит десять книжек сразу.
(Он знает лишь заглавья книг).
Он изо всех искусств постиг
Одно — искусство общей фразы,
Пусть нет и капли мысли в ней...
Таков Онегин наших дней.

Рисуюн Д. Дубинского.
Текст И. Чеснокова и О. Емельянова.

ШАХМАТЫ

Отдел ведет Л. Гугель

КОРОЛЬ И ПЕШКА ПРОТИВ КОРОЛЯ

Шахматная партия подходит к концу. Уже сняты с доски ферзь, коня, ладьи, разменены слоны и пешки. На доске остались только король и одна единственная пешка. Может ли владелец этой пешки добиться выигрыша?

Одной пешкой мата дать нельзя. Чтобы выиграть партию, нужно довести пешку до края доски, где она, согласно правилам игры, может превратиться в любую фигуру, скажем, в ферзя.

Итак, у вас король и пешка, у противника только король. Раньше чем встать мари пешки, нужно рассчитать, не сможет ли неприятельский король наступить ее too далеко. Техника расчета довольно проста. Поставьте на доске такую позицию: белый король а1, пешка с8, черный король е8. Ход белых. Легко убедиться, что пешка не успеет достичь заветного поля е8, так как ее догонит черный король: с3—с7, Крe8—d7. Теперь рассмотрим более сложную позицию: белые Крf4, п.е5, черные: Крd4, ход черных. Успев ли черный король догнать пешку? Здесь их разделяет большое пространство и сосчитать ходы уже труднее. Но в таких случаях приходится на помощь так называемое «правило квадрата».

Постройте мысленно квадрат (то есть четырехугольник с равными сторонами и углами), причем одной из боковых сторон является линия от поля, из которого находится пешка, до поля, на котором она должна превратиться в фигуру (в данном случае е5—е8). На этой линии построите квадрат, направленный в сторону неприятельского короля. В данном случае стороны квадрата равны: так: е5—е8—h8—h5. Правильно говорит: если неприятельский король успеет встать на любое поле квадрата, то он успеет догнать пешку. В приведенной позиции черный король стоит вне квадрата, но очередь хода за черными, и король успеет пойти на h5 и тем самым вступить в квадрат.

РЕЗУЛЬТАТ XVIII КОНКУРСА

Для решения были предложены трехходовки-близнецы В. Паули: Первая: белые—Крf4, Фg4, Лb5, п.b4; черные—Крb5, Фg3, Лb5, п.b3; черные—Крb4. Несмотря на поразительное сходство, задача решается различными способами. Решение первой задачи: 1. Лb6—h4! Крb5—a4 2. Фg4—h3! Крa4—b5 3. Фh3—d7X; 1. ... Крb5: c6 2. Фg4—d1 и т. д. Решение второй задачи: 1. Фg3—f2! Крb4: h3 2. Крa6—b5 и т. д.

РЕШЕНИЯ («СМЕНА» № 7)

Задача № 153 Л. Загорулько. 1. Кf5: g3 с укоротой 2. Кg3—e4X. Если 1... e2—d2, то 2. Лh2: e2X. Поэтому черные превращают пешку в коня, на что следует мат с использованием перекрестия черного ферзя и полувилки черной пешки. 1. ... e2—d1 К 2. Кg3—f1X! То же происходит при игре черной пешки. 1. ... e2—e1 2. Лh1—h2X. 3. ... d2—c2 2. Сg3—b3. Оригинальная задача! К сожа-

далению квадрата. Убедитесь сами, что он наступит пешку. Но если бы он стоял, скажем, на а8, то черная осталась бы только сдаться, ибо пешка беспрестанно проходит в ферзя.

Разумеется, «справку квадрата» действует лишь в тех позициях, где король не может перейти на помощь своей пешке. Если же он может это сделать, то борьба принимает иной оборот.

Возьмем такую позицию: белые: Крf4, черные: Крd4, п.e4; ход черных.

Если сейчас черные опрометчиво дадут пешку вперед, то партия закончится ничью:

1. ... e4—e3? 2. Крf1—e2
Крd4: 3. Кe2—e1 (только сюда) Крe4—f3 4. Крf1—f1 (белый король встает в оппозицию черному королю, не дает ему возможности двинуться вперед) e3—e2+5. Крf1—e1 и черные придутся согласиться на ничью (ход Крf3—e3 ведет к мату).

Между тем черные могут выиграть, расставив дорожку пешке своим королем. Вспомогательная позиция должна быть следующей:

1. ... Крd4—d3
2. Крf1—e1

Наилучшее. Если 2. Крf2, то последует Крd2, и пешка по-прежнему идет вперед.

2. ... Крd3—e3!
Черный король встал в оппозицию. Теперь белым приходится уступить:

3. Крe1—d1 Крb3—f2
4. Крd1—d2 e4—e3+ и т. д.

Для того чтобы лучше усвоить технику проведения пешки в ферзя, самостоятельно разберите несколько позиций:

1. Белые: Крe1, п.е5, черные: Крb4. Ход черных.

2. Эта же позиция, но ход белых.

3. Белые Крf1, п.f3, черные Крa3. Ход белых.

XXX КОНКУРС «СМЕНЫ»

Задача № 161
И. Шель

Белые, начиная, дают мат в два хода.

Задача № 162
Г. Вейник

Задача № 163
Г. Эйкольд

Задача № 164
С. Ллойд

Задача № 165
А. Акерблом

Задача № 166
А. Мароэль

Белые, начиная, дают мат в три хода.

Задача № 167
Н. Рубберг

Задача № 168
Е. Бострем

Задача № 169
С. Ллойд

Белые, начиная, дают мат в три хода*

Задача № 170
С. Ллойд

Мат в 4 хода.

Задача № 171
М. Хавель

Мат в 4 хода.

Задача № 172
С. Ллойд

Мат в 5 ходов.

Все эти задачи—миниматоры, то есть в каждой из них не более семи фигур. Редакция «Смены» объявляет конкурс на решение этих задач. За правильное решение двухдочкой участнику конкурса будет зачитываться 2 очка, трехдочкой—3 очка, и т. д.

Десять участников, набравших наибольшее количество очков, будут премированы. Срок отправки решений с мест—15 ноября 1940 года.

Ответственный редактор М. Г. Осипов.

Славо в набор 6/VIII 1940 г. А 31683.

Подписано к печати 19/IX 1940 г.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, улица «Правды», 24.

Изд. № 841.

Формат 72X100 см. 4 печ. л. 98 000 зн. в печ. д.

Оформление В. И. Урина.

Зак. 2640. Тираж 45 000.

